

0722633 -1

На правах рукописи

ЗАГИДУЛЛИНА Дания Фатиховна

**ФОРМИРОВАНИЕ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ
ТЕОРИИ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(первая треть XX века)**

/0.01.02. - Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань
2001

Работа выполнена на кафедре методики преподавания татарского языка и литературы Казанского государственного университета.

Научный консультант:

член-корреспондент АН РТ,
доктор филологических наук,
профессор Т.Н.Галиуллин

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор Ф.М.Мусин (г.Казань)

доктор филологических наук,
профессор Р.К.Амиров (г.Уфа)

доктор филологических наук,
профессор Ф.Г.Галимуллин (г.Казань)

Ведущее учреждение:

кафедра литературы Казанской государственной академии
культуры и искусств

Защита состоится 28 июня 2001г. в 14 часов на заседании диссертационного Совета Д.212.081.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Казанском государственном университете по адресу: 420008, ул.Кремлевская, 18, второй корпус, аудитория 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан 25 мая 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета,
доктор филологических наук,
профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000520851

В.З. Гарифуллин

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия в связи с разрушением веры в идеалы советского интернационального общества мы стали свидетелями возрождения такого понятия, как “национальное наследие”. Исследование данного феномена в различных сферах культуры и общественной мысли – одна из актуальных задач современной науки. Необходимость его изучения особо ощутима в тех областях культуры, в которых научные исследования долгое время были детерминированы тоталитарной идеологией.

Ю.М.Лотман писал, что “история отечественного литературоведения еще не написана, но, когда она будет создана, возможно, откроется, как говорил Гамлет, многое, “что и не снилось нашим мудрецам”¹. Действительно, пройденный каждой наукой путь осмысливается ее историей. История вводит в единый поток разрозненные факты и явления, высвечивает причинно-следственные связи, сводит в систему отдельные закономерности и позволяет найти не потерявшие значение для сегодняшних исследований “золотые нити” опыта прошлых столетий. Наука утверждает свои достижения и продолжает дальнейшее развитие благодаря истории.

Но в эту закономерность не вписывается теория татарской литературы, ибо история ее до сих пор не написана, хотя необходимость этого созрела уже давно. По этому поводу вполне справедливо признание Ф.Мусина: “Так как литература является старейшей и ведущей отраслью татарской культуры, наука о ней выполняет функцию наставника среди гуманитарных наук. Но история данной науки у нас специально и обобщенно не изучена. Отдельные попытки предпринимались только в рамках правящей идеологии и подгонялись под нее. Поэтому изучение истории литературоведения на научной основе и оценка ее остается важнейшей задачей при вступлении в новое тысячелетие”².

Необходимость изучения теории татарской литературы с точки зрения ее исторического развития обуславливается многими факторами, оказывающими влияние на развитие национальной литературы, литературной критики, истории татарской литературы и искусства, даже философской и педагогической мысли. На долгом пути своего развития

¹ Лотман Ю. Литературоведение должно быть наукой // Лотман Ю. О русской литературе. – СПб.: Искусство. – СПб., 1997. – С. 760.

² Мусин Ф. XXI җасырга кергәндә // Шәһри Казан. – 2000. – 28 январь (№4).

теория татарской литературы накопила большой опыт, нуждающийся, однако, в системном обобщении и осмыслении. Этот опыт до сих пор остается малоизвестным в науке. Хотя у татар и нет крупных теоретиков, оказавших непосредственное влияние на мировой литературно-художественный процесс, и теория татарской литературы как наука сформировалась относительно недавно (только в начале XX века), теоретико-литературное наследие татарского народа имеет многовековую историю. Оно оказало исключительное влияние на татарскую литературу, которая прошла в начале XX века путь так называемого ускоренного развития, преодолев тем самым дистанцию, разделяющую ее от европейских (в первую очередь от русской) литератур. И теория национальной литературы, не ограничиваясь использованием теоретико-литературных достижений других народов, смогла найти свой самостоятельный путь развития. Теоретические труды татарских ученых-литературоведов (Г.Сагди, Г.Ибрагимова и др.), благодаря их просветительской ориентации, были авторитетны среди теоретико-литературных исследований тюркоязычных народов России. История татарской литературно-теоретической мысли была частью истории культуры тюркского анклава.

Духовная атмосфера современности открывает новые возможности для более глубокого изучения теоретического наследия татарского народа. Впервые, новая волна либерализации российского общества в конце XX в. сделала возможным возвращение "скрытого" из-за несоответствия марксистско-ленинской концепции теоретико-литературного материала. Пришло время переоценки отвергнутого, а в действительности - не изученного научного наследия. В частности, статей эмигрировавшего Гаяза Исхаки, или учебника "Незарияте әдәбия" (Теория литературы) Габделбари Баттала, научных изысканий ученых Габдрахмана Сагди, Наджиба Хальфина, Джамала Валиди, Галимджана Нигмати, Гаты Исхаки и других деятелей татарской культуры, попавших в жернова культа личности. Это позволит в дальнейшем написать историю татарского литературоведения без "белых пятен".

Во-вторых, в конце XX века к татарскому читателю вернулись незаслуженно забытые имена поэтов и писателей, например, Гаяза Исхаки, без имени которого уже невозможно представить литературный процесс первой половины XX века. Приподнимается завеса над модернистским пластом татарской литературы.

В-третьих, на современном этапе одним из условий полноценного развития демократического общества является обеспечение свободного развития духовной жизни всех народов, населяющих Российскую Федерацию.

А изучение эволюции теоретико-литературной мысли как части национальной культуры напрямую связано с сегодняшним состоянием татарской литературы и науки о ней. Необходимость и возможность эффективно использовать теоретико-литературное наследие татарского народа для решения задач, стоящих сегодня перед татарской литературой и литературоведением позволяют считать тему данной диссертации актуальной с научно-теоретической и социокультурной точек зрения.

История вопроса. Нельзя сказать, что попыток научно осмыслить состояние теории татарской литературы того или иного периода не предпринималось. С появлением первых учебников по теории литературы были написаны проблемные рецензии³, в некоторых из них речь велась и о концептуальных направлениях теоретических учений⁴.

Первые исследования по истории татарской литературно-теоретической мысли относятся к концу 20-х годов XX века. Например, Г.Гали формирует теорию татарской литературы связывает с демократическими преобразованиями 1905–1907 гг. и рассматривает это явление как следствие “оживления” татарского общества в европейскую и русскую культуры⁵. Но эти публикации, как правило, ограничивались кратким обзором истории литературоведения.

В 1930-е годы исследование проблем, связанных с историей теоретико-литературной мысли, переживает серьезный кризис. Отрицательное отношение к дореволюционному культурному наследию привело к заявлениям об интернациональности теории литературы, о возникновении ее после революции 1917 года.

Только с середины 1960-х годов вновь возрастает интерес исследователей к проблемам, касающимся деятельности татарских литературоведов начала XX века. Например, М.Хасанов в своем труде, посвященном жизнедеятельности Г. Ибрагимова, затрагивает и проблему его теоретико-литературного наследия, оценивая “Уроки литературы” как оригинальный учебник, написанный на материале татарской литературы, и подчеркивает, что работы Г.Ибрагимова “заложили научные основы татарского языко-

³ Халфин Н. “Кавагыде әдәбия” һәм “Татар әдәбиятының барышы” // Аң — 1913. — № 6. — 97-100 бб.; Наразый. “Кавагыде әдәбия”гә дәир // Шура. — 1913. — № 7. — 207-208 бб. и др.

⁴ Халфин Н. “Әдәбият ысуллары” вә аның ишләре // Аң. — 1913. — № 6. — 117-120 бб.; Ибраһимов Г. Бәттал әфәнденен “Назарияте әдәбия”се // Аң. — 1913. — № 23. — 416-419 бб. и др.

⁵ Гали Г. Галимжан Ибраһимов һәм бездә әдәбият белеме // Гали Г. Сайланма әсәрләр. — Казан: Тат. кит. нәшр., 1958. — 204-205 бб.

знания и литературоведения и долгие годы служили в качестве учебного пособия в национальной школе⁶.

Историки татарской литературы в публикациях бегло оценивали труды своих предшественников и подводили краткие итоги⁷. Среди них особняком стоит монография Ч.Юзиева, в которой лаконично прослеживаются основные вехи развития поэтики татарской литературы. Автор рассматривает этот вопрос, начиная со второй половины XIX века (точкой отсчета является наследие К.Насыри) и заканчивая 70-ми годами XX века⁸. Наиболее значительными исследованиями 1960–1980 гг. являются труды Х.Усманова, Г.Халита, И.Нуруллина, Т.Галиуллина, А.Ахмадуллина, Х.Миннегулова, Р.Ганиевой, Ф.Мусина, Ф.Галимуллина и других ученых⁹, в которых освещается история татарской литературы, анализируются национальные истоки литературно-теоретической мысли. Появляется ряд работ, в которых отразилось отношение татарской литературы начала XX в. к восточной, западноевропейской и русской литературе и философско-эстетической мысли¹⁰.

В 1970–1980 гг. были предприняты отдельные попытки дать оценку

⁶ Хасанов М. Галимджан Ибрагимов. — Казань: Таткнигоиздат, 1969. — С.103.

⁷ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. — Казань: Таткнигоиздат, 1966. — 307 с.

⁸ Юзиев Н. Хәзерге татар поэтикасы. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1962. — 352 б.

⁹ Госман Х. Беек Октябрь революциясе һәм гражданнар сугышы чорында татар поэзиясе. — Казан: КДУ нәшр., 1960. — 18 б.; Халитов Г. Проблемы творческого метода в татарской литературе (1905-1932). — Казань: Таткнигоиздат, 1967. — 417 с.; Нуруллин И. XX йөз башы татар әдәбияты. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1982. — 427 б.; Галиуллин Т. Дыхание времени (Вопросы становления и развития социалистического реализма в татарской поэзии. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. — 303 с. и др.

¹⁰ Кадыров О. Романтизм Галимджана Ибрагимова (творчество и эстетика): Дисс. ... канд. филол. наук. — Казань, 1967. — 224 с.; Нигматуллин Э. Татарская литература нач. XX в. в ее отношении к западноевропейской литературе и философско-эстетической мысли: Дисс. ... канд. филол. наук. — Казань, 1972. — 232 с.; Сайганов А. У истоков эстетики реализма. Эстетика Ф. Амирхана и эстетические идеи в татарской реалистической литературе конца XIX-начала XX вв. — Казань: Тат.кн.изд-во, 1982. — 166 с.; Ахмадуллин А. Татарская драматургия: Истоки и формирование социалистического реализма. — М.: Наука, 1983. — 261 с.; Миннегулов Х. Татарская литература и Восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики). — Казань: Изд-во КГУ, 1993. — 382 с.; Ганиева Р. Восточный ренессанс и его традиции в тюркских литературах: Дисс. ... докт. филол. наук. — Казань, 1992. — 325 с. и др.

состояния науки о литературе в различные периоды¹¹. В исследованиях, посвященных истокам татарской поэзии, также были затронуты теоретические аспекты литературоведения¹².

В 1985–1989 годах вышли в свет пять томов “Истории татарской литературы”, где дан общий анализ литературно-эстетической мысли, освещено состояние науки о литературе соответствующих периодов.

Работы в сфере критики тоже имеют для нашей проблематики важное значение, ибо они призваны дополнить историю теоретико-литературной мысли. Интерес к истории критики у нас особенно возрос в последние два десятилетия, этому способствовало появление ряда ценных исследований¹³. Но и в этой области основа только-только закладывается, и написание полной истории татарской критики остается делом будущего.

В 1990-е годы появились серьезные научные труды, рассматривающие литературу советского периода в контексте литературоведческих поисков тех лет, которые были полемичны по отношению к сложившимся ранее официальным оценкам в этой области¹⁴.

Таким образом, исследователи внесли определенный вклад в изучение истории науки о литературе. Однако в целом проблема зарождения и развития теории национальной литературы и вопрос о ее роли в литературной жизни татарского народа до сих пор не получили должной оценки. Что касается возникновения национальной теоретико-литературной мысли,

¹¹ Метод. Стыль. Жанр. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1976. — 223 б.; Госман Х. Татар совет әдәбияты фәннен беренче адымнары // Совет әдәбияты. — 1960. — № 7. — 134-143 бб; Мусин Ф. Әдәбият фәне һәм тәнкыйть // Мирас. — 1996. — № 12. — 38-47 бб.

¹² Бакиров М. Закономерности тюркского и татарского стихосложения в свете экспериментальных исследований: Дисс. ... канд. филол. наук. — Казань, 1972. — 298 с.; Госман Х. Татар шигъре (тарихи күзәтү). — Казан: Тат.кит.нәшр., 1961. — 155 б.; Курбатов Х. Иске татар поэзиясендә тел, стиль, метрика һәм строфика. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1984. — 163 б.

¹³ Магдеев М. Татарская советская литературная критика (1917-1932): Дисс. ... канд. филол. наук. — Казань, 1963. — 324 с.; Бариева Э. Методология советской литературной критики (1917-1923 гг.): Дисс. ... канд. филол. наук. — Казань, 1982. — 192 с.; Гыйлажев Т. 20-30 еллар татар әдәби тәнкыйте үсешендә төп тенденцияләр (метод һәм герой мәсьалалары): Филол. ф. канд... дисс. — Казан, 1991. — 225 б.; Мухаммадиев Р. Проблемы формирования татарской литературной критики. — Казань: Таткнигоиздат., 1982. — 143 с.

¹⁴ Галимуллин Ф. 1920-30 еллар татар әдәбиятында эстетика һәм социологиянен үзгәрешләре: Филол. ф. докт... дисс. — Казан, 1999. — 444 б.; Салихов Р. Герой и эпоха (концепция героя в татарском литературоведении). — Казань: “Мастер Лайн”, 1999. — 352 с.

то, несмотря на наличие фрагментарных высказываний и этюдных наблюдений, эта проблема вообще не стала предметом всестороннего научного исследования и практически не была поставлена.

Источники. Источниковедческой базой диссертационного исследования послужил прежде всего большой круг ранее неизученных, малоизвестных читателю, практически впервые вводимых в научный оборот учебников по теории татарской литературы: "Моктесар кавагыйде әдебия" (Краткая теория литературы, 1911), "Моктесар кавагыйде әдебиягә гыйлаәм" (Дополнение к краткой теории литературы, 1911), "Әдебият ысуллары" (Методы литературы, 1912), "Әдебият меғаллиме" (Учитель литературы, 1914) Габдрахмана Сагди, "Незарияте әдебия" (Теория литературы, 1913) Габделбари Баттала, "Әдебият дәрәсләре" (Уроки литературы, 1916) Галимджана Ибрагимова, "Әдебият юллары" (Пути литературы, 1920) Гаты Исаки. Труды "Татар шигыре тезелеше (метрика)" (Татарское стихосложение, 1929) и "Әдәби типлар механизмы" (Механизм литературных типов, 1929) Хайрутдина Вали, "Әдебият һәм тормыш" (Литература и жизнь, 1931) и "Әдебият мәйданында" (На литературной арене, 1925) Галимджана Нигмати, "Символизм турында" (О символизме, 1932) Габдрахмана Сагди, "Әдебият теориясе" (Теория литературы, 1939) Галимджана Сагди и др. впервые анализируются нами как источники, имеющие отношение к теории литературы.

В наследии татарских литературоведов начала XX века можно выделить ряд известных методологических исследований (например, "Татар шагыйрьләре" (Татарские поэты) или "Альбом менәсәбәте белән бер-ике сүз" (Несколько слов в связи с выпуском альбома) Г.Ибрагимова), остававшихся практически не изученными с точки зрения теории литературы. Именно этот пласт источников дает возможность выделить основные структурные компоненты татарской теоретико-литературной мысли начала XX века, показать ее в контексте общей истории национальной философско-эстетической мысли.

При разработке научной проблемы нами были использованы наиболее солидные, популярные органы национальной периодики ("Аң", "Шура", "Әл-гасрел-жәдид", "Вақыт", "Йолдыз", "Казан мөхбире", "Кояш", "Тормыш" и др.). Газетно-журнальные материалы начала XX в. можно сгруппировать таким образом: статьи по теории литературы; рецензии на учебники по теории татарской литературы; критика с элементами теоретических исследований; философско-эстетические изыскания; переводы теоретических, философских, эстетических концепций зарубежных и русских авторов. Подавляющее большинство материалов периодической печати также вводится в научный оборот впервые.

В период Средневековья татарская теоретико-литературная мысль развивалась в тесной связи с персидско-таджикской, узбекской литературоведческой наукой. Вследствие этого в качестве источников нами привлечены теоретические трактаты Восточных мыслителей: Алишера Навои, Захираддина Бабура, Рашида Ватвата, Хусейни Гатаулла, Ас-Саккаки, Насруддина Туси, Вахида Табризи, Вагиза Кашифи и других.

В начале XX века формирование теории татарской литературы как науки происходило под сильным влиянием философско-эстетических концепций, выработанных в западноевропейской и русской литературах. Не отказываясь от национальных и Восточных традиций, она "строила" себя по образцу западноевропейской науки. В этом отношении состояние татарской теории литературы чем-то напоминает прогрессивный "скачок" в русской, азербайджанской или армянской теоретико-литературной мысли второй половины XIX в. Этим обусловлено стремление автора по возможности полное учесть достижения русских, армянских, азербайджанских ученых в области истории теоретико-литературной мысли. Кроме того, в диссертации как источники анализируются научные тексты крупнейших философов и ученых: И.Тэна, В.Дильтея, В.Белинского, Л.Толстого, Дж.Вико, Г.Спенсера, Г.В.Гегеля, В.Жирмунского, Э.Канта, Н.Ливанова, Д.Овсяннико-Куликовского, А.Потебня, А.Пыпина, А.Шопенгауэра и других.

Методология и методика исследования. Методологическую основу работы составляют законы, выработанные самой теорией литературы. По мнению разработавших эту концепцию ученых¹⁵, теория литературы дает общее представление об объекте исследования, описывает будущие контуры литературных явлений и рассматривает их как взаимосвязанные части творческого процесса, тем самым показывая путь к новым поискам.

Кроме того, нами использована методология исторического подхода¹⁶, которая позволяет рассматривать теорию татарской литературы с точки зрения ее предыстории, возникновения, эволюционного развития и исторических связей.

Методической базой для научных исследований в данном направлении служит "мотивирующая поэтика", разработанная Б.Л.Боруховым, который считает, что трактовка текста (мы применяем данную концепцию для анализа научных текстов, философско-эстетических взглядов теоретиков) составляет конечную цель для деятельности ученого. Основной метод -

¹⁵ Бушмин А. С. Наука о литературе. Проблемы. Суждения. Споры. — М.: Современник, 1980. — 334 с.; Курилов В. В. Теория и методология в науке о литературе. — Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1985. — 124 с. и др.

¹⁶ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. — М.: Высшая школа, 1985. — 648 с.

объяснение через закон, а сама операция объяснения через закон называется мотивацией текста¹⁷.

Автор оперирует несколькими видами мотивации (культурной, личностной и др.), в числе которых и так называемый конвенциональный тип, когда текст представляет собой явление науки, которая в каждую эпоху располагает своим набором законов и конвенций. Объектом мотивации в данном случае становятся особенности теоретико-литературных текстов, идей, взглядов¹⁸. Конвенциональная мотивация дает возможность объяснить своеобразие теоретико-литературной мысли отдельных периодов, особенности взглядов литературоведов, национальные основы теоретико-литературных учений, академических школ.

Для оценки истории теоретико-литературной мысли также возникла необходимость в использовании современных достижений науки о литературе, эволюции литературного процесса. В этом контексте ценными оказались труды специалистов по теории татарской литературы: Х.Усманова, Ю.Нигматуллиной, Ф.Хатипова и других, а также исследования по истории литературы Г.Халита, Н.Юзиева, Т.Галиуллиной, Р.Ганиевой, Х.Миннегулова, Ф.Галимуллина, Ф.Мусина, А.Яхина и других.

Цель и задачи исследования. Для комплексного изучения развития татарской литературы и философско-эстетической мысли, для глубокого анализа литературно-теоретических взглядов татарских мыслителей нужно представить тернистый путь развития теоретико-литературной мысли, выявить национальные особенности теории литературы как науки. Поэтому целью диссертации является исследование особенностей формирования и развития теории татарской литературы с точки зрения многообразия представленных в ней методов.

Выполняя настоящую работу, диссертант стремился, с одной стороны, осветить историю теории татарской литературы, с другой – определить национальное своеобразие литературно-теоретической мысли у татар.

Спецификой эволюции теоретико-литературной мысли у татар следует признать ее формирование в тесной взаимосвязи с литературой, “внутри” литературного процесса. Похожая картина наблюдалась в русской литературе средневековья, где теоретико-литературные знания существовали де-факто в самой литературе, в общей системе понятий – жанровых названий, и в этом качестве прекрасно выполняли функцию руководства к творчеству для

¹⁷ Борухов Б. Л. Введение в мотивирующую поэтику//Филологическая герменевтика и общая стилистика. – Тверь, 1992. – С.3-11.

¹⁸ Там же, с. 13.

писателей, соответствующим образом направляя характер восприятия их произведения читателями¹⁹. И в тюркских литературах по причине их синкретичности художественное произведение служило средством передачи теоретической информации разного вида и уровня. В отличие от русской литературы, в татарской литературе формировались и совершенствовались теоретико-литературные взгляды и каноны, иначе говоря, все важнейшие эстетико-теоретические процессы протекали в недрах самой литературы. Много из того, что в западноевропейской науке о литературе было предметом теоретических исследований, у татар являлось предметом национальной литературы. Поэтому эволюция татарской теоретико-литературной мысли неотделима от художественного процесса. Примечательно, что даже в период возникновения теории татарской литературы как науки в начале XX века национальная литература во многом предопределяла направления и темпы ее развития. С этим связана необходимость изучения теоретико-литературной мысли в непосредственной связи с историей татарской литературы.

Общая цель исследования обусловила постановку и решение следующих задач:

- выявление форм существования теоретико-литературной мысли до возникновения теории татарской литературы как науки;
- определение исторических предпосылок формирования теории татарской литературы;
- установление роли арабо-персидской, турецкой, русской, а также западноевропейской теории литературы в трансформации татарской теоретико-литературной мысли в единую науку;
- воссоздание хронологических рамок становления теории татарской литературы как науки и определение ее национальных основ;
- анализ малоизученных трудов, статей, споров и научных дискуссий с целью выявления основных направлений развития теории литературы, а также выделение литературно-теоретических школ;
- исследование и оценка теоретических взглядов татарских литературоведов начала XX века и выявление национальных особенностей концепций научных школ;
- определение причин утверждения марксистско-ленинской теории литературы, ее теоретических основ и законов.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в татарской

¹⁹ Курилов А. Формирование русского литературоведения как науки (конец XVI-нач. XIX вв.): Дисс... докт. филол. наук. — М., 1982. — С.27.

филологической науке исследуется история формирования и развития татарской теоретико-литературной мысли.

Это первая работа обобщающего характера по теории татарской литературы, где прослеживается путь развития национальной теоретико-литературной мысли в целом. В развитии татарской теоретико-литературной мысли нами выделяются три этапа:

1) начиная с древнейших времен до конца XIX века – время поисков и подготовки к возникновению теории татарской литературы (период синкретического мышления);

2) начало XX века – этап формирования теории татарской литературы как науки, состоящий из двух ступеней: 1907–1913 гг. – возникновение школы “общественников” и 1913–1916 гг. – коренной перелом в развитии теории литературы и появление школы “духовности” (время перехода от синтеза к анализу);

3) третий этап (начиная с 20–30-х годов XX века) – распространение марксистско-ленинского учения о литературе (время догматического мышления).

В диссертации по-новому определены национальные и интернациональные истоки формирования татарской теоретико-литературной мысли, и раскрыта роль восточных и западных традиций, философско-эстетических учений в возникновении науки о литературе в начале XX века, обосновано место этого периода в контексте общего развития теории татарской литературы.

По мнению диссертанта, работа снимает существовавший в советские годы миф о том, что татары никогда не имели национальную теорию литературы и будто бы наука о литературе возникла путем перевода готовых материалов, разработанных другими народами. Диссертант по-новому раскрывает само понятие “теория национальной литературы”, объясняя его как свод особых законов и закономерностей, вырастающих из национальной философии и менталитета, детерминирующих восприятие литературы.

Комплексный анализ позволил сгруппировать и систематизировать процесс эволюции национальной теоретико-литературной мысли. Исходя из традиций мировой литературной теории, впервые определены предпосылки возникновения научных направлений, выявлены национальные особенности концепций общественно-теоретической и духовно-теоретической школ.

Понятийный аппарат. В диссертации вводятся два новых термина – “жәмгыятьчеләр” и “рухиятчеләр”, являющиеся ключевыми в понимании и трактовке особенностей эволюции теории татарской литературы.

В начале XX века в татарском литературоведении возникает интерес к культурно—исторической школе. Однако татарские мыслители творчески, критически оценивали теоретические основы данного направления и сумели возвести на базе философии позитивизма новое учение о литературе. Сущность парадигмы “жәмгыятьчеләр” связана с особенностями данного учения. В начале XX века татарские мыслители воспринимали произведения литературы как то, что призвано научить правильно жить, отвечать на актуальные вопросы национального бытия. Поэтому ядром нового учения стало требование от литературы очищающего эффекта, стремление сделать ее средством изменения татарского общества – “жәмгыять”.

Результатом резкой реакции на социологизированность школы “общественников” (“жәмгыятьчеләр”) явилось возникновение нового методологического направления. Оно опиралось на психологическое направление в русском литературоведении и своими принципами было близко к немецкой духовно—исторической школе. Главной особенностью школы “духовников” (“рухиятчеләр”) являлось восприятие литературы как “искусства о духе”, способного изменить духовную природу личности.

В отличие от русских и западноевропейских академических школ, для которых характерна относительная длительность этапа поисков и становления, татарские теоретико—литературные образования “жәмгыятьчеләр” и “рухиятчеләр”, как и сама татарская литература начала XX века, прошли ускоренный путь развития. Несмотря на это, в них присутствовали все основные атрибуты, характерные для академических школ, что позволяет рассматривать их в качестве самостоятельных научных направлений.

Практическая значимость исследования. Практическое значение диссертации обусловлено возможностью использования ее результатов в работе по распространению в Татарстане новых научных сведений по истории национальной культуры. Выводы диссертации позволяют скорректировать имеющиеся представления о том, когда возникла теоретико—литературная мысль у татар и в чем особенности теории национальной литературы.

Результаты исследования могут быть использованы в курсах по истории литературоведения, истории татарской литературы и философско—эстетической мысли, при написании истории литературоведения тюркских народов, монографий о литературно—теоретическом наследии ряда литературоведов начала XX века. Работа может быть использована также в преподавательской практике вузов в процессе изучения истории

литературоведения (теории, истории литературы и литературной критики), при чтении спецкурсов и проведении спецсеминаров.

Апробация работы. По ряду проблем диссертации автор неоднократно выступал на научно-теоретических конференциях, проводимых Казанским государственным университетом, Институтом языка, литературы и искусства имени Г.Ибрагимова АН РТ, Татарским государственным гуманитарным институтом, Министерством образования РТ.

По теме диссертации опубликованы одна монография (15,5 п.л.), одно учебное пособие (21,3 п.л.) и 24 статьи в сборниках и журналах общим объемом более 15 п.л. (см. Библиографическую справку в конце автореферата).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение

Во введении анализируются состояние изученности и уровень разработанности проблемы, обосновывается актуальность темы, определяются цели и конкретные задачи, характеризуется научная новизна, научно-теоретическое и практическое значение диссертационной работы

Глава 1. Формы существования теоретико-литературной мысли в средние века

1.1. Классическая литература – первооснова развития теоретико-литературной мысли

Генетические корни тюркской поэзии берут начало с эпохи пратюрков – хунно-гуннского времени. Последние исследования М.Бакирова доказали, что хунны-пратюрки под воздействием Китая и на основе собственных традиций устного слова создали свое искусство красноречия. В дальнейшем традиции этого вида творчества проникли и в язык-стиль Орхоно-Енисейских надписей, и в структуру надмогильных эпитафий, а также в языковую стихию устных и письменных эпических памятников культуры. По мнению исследователя, приемы красноречия и риторики принимали участие и в создании риторико-интонационного стиха у тюркоязычных народов, в том числе и в татарской поэзии²⁰.

²⁰ Бакиров М. Гомумтерки поэзияның генезисы – яралары һәм иң борынгы формалары: Филол. ф. докт... дисс. – Казан, 1999. – 189-210 бб.

У многих народов искусство красноречия привело к возникновению специальных трудов о литературной форме. В теории словесности эти труды – нормативные риторик и поэтики – безраздельно господствовали более двух тысяч лет. Однако об уровне литературоведческих представлений татар доисламского периода у нас каких-либо прямых данных нет.

Огромное значение в развитии татарской культуры сыграло принятие ислама. Поэтому не случайно одним из источников татарской теоретико-литературной мысли стала арабская наука словесности (балягать). Будучи вначале средством для понимания “Корана” и “Хадисов”, ко второй половине IX века словесные науки у арабов стали самостоятельными. При написании своих трудов многие авторы обращались к “Поэтике” Аристотеля, к другим древнегреческим памятникам. По мнению Р.Ганиевой, “особенностью многих средневековых тюркских литератур является то, что они развивались в контексте мусульманской цивилизации, в нерасторжимом единстве с неоплатоническим и перипатетическим течениями арабоязычной филологии, уходящими своими корнями в греко-римско-византийскую философию”²¹.

После принятия ислама данный пласт научно-теоретической мысли стал научной надстройкой, теоретическим руководством для тюркоязычных поэтов. Под воздействием арабских поэтик позднее появились и составленные восточными мыслителями (Аль-Фараби, Ибн-Сина, Ибн-Рушди) комментарии к “Поэтике” Аристотеля.

Многие произведения татарской средневековой литературы создавались на основе письменных и фольклорных памятников Востока. Арабская, персидско-таджикская средневековая классика служила своеобразной школой мастерства для многих авторов, обогатила нашу литературу новыми сюжетами, жанрами, поэтическими средствами и приемами²².

Главной формой существования и развития теоретико-литературной мысли у татар была сама литература. Авторы создавали свои произведения по образу и подобию уже существующих, которые служили пособием-наставлением к творчеству. Кроме того, сами художественные произведения включали в себя информацию теоретического характера. В результате этот естественный синкретизм теоретической и художественной мысли Средневековья давал возможность обходиться без специальных теоретико-литературных работ, которые по своей природе призваны решать те же самые

²¹ Ганиева Р. Философско-эстетические основы тюркских литератур средневековья // Татарское возрождение: эпоха и личности. – Казань: Фэн, 2000. – С.229.

²² См.: Миннегулов Х. Татарская литература и Восточная классика. – Казань: Изд-во КГУ, 1993. – С.15.

задачи: служить, с одной стороны, наставлением для поэтов, а с другой – пособием для соответствующего восприятия и оценки произведения.

Теоретико-литературная информация, существовавшая в самой структуре литературного произведения, была разнообразной и гуманистически насыщенной. Например, в поэме “Кыйсса-и Йусуф” Кул Гали (XIII в.) разъясняются цели и основные функции литературы. По мнению автора, литература является премудростью, наставлением и служит духовному обогащению умных людей. В то же время литература направлена на восприятие, ибо она рождается из божественного вдохновения и возбуждает фантазию. Поэтому произведения должны служить людям, быть “полезными нам и вам”. Таким образом, представление о поэте как о пророке, благословенного некой высшей силой, поэте – носителе божественных начал, утверждается в татарской литературе очень рано.

Другой автор – Рабгузи (конец XIII – первая четверть XIV веков) в свои произведения вставляет жанровые названия. Кутб (XIV в.), как и Кул Гали, предисловие и первую главу своей поэмы “Хосров и Ширин” использует для передачи теологических, философских, теоретических воззрений. Он так же, как и предшественник, источником вдохновения считает Бога, а целью литературы – свечение, освещение, озарение человеческих душ. Определяя основной в поэме тему любви, он называет любовь основой бытия, движущей силой жизни.

Сами произведения иногда становятся ареной полемики по определенным теоретико-литературным проблемам. Например, дастан “Кыйсса-и Сайфулмулюк” Меджлиси (XVI в.) как бы продолжает разговор Кутба о тематике произведений. Но автор полагает, что даже рассказ о любви должен быть печальным и скорбным, так как человек и его бытие несовершенны.

Отдельные произведения написаны и воспринимаются как трактаты, излагающие основы художественного творчества. Например, в стихотворении “Фи әусафиш-шегара” (Описание поэтов) Саиф Сараи (1321–1396) делит поэтов на несколько категорий: поэты по призванию; пишущие красиво; говорящие громко; пишущие об одном и том же; поэты, творчество которых основывается только на знании правил стиха; подражатели. Классификация напоминает деление поэтов на категории по Аль-Фараби.

В некоторых произведениях, например, в поэме “Тухфаи-мардан” Мухаммедьяра (XVI в.), большое место занимают рассуждения об авторе, поэтической личности. По его мнению, поэт – носитель божественной искры, поэтому он должен посвятить свою жизнь поэзии, пропагандировать свои убеждения и быть мужественным. Представление о поэте как о пророке

свидетельствовало о престиже художественного слова. Литература воспринималось как концентрация сакральных и культурных ценностей. Эта особенность в дальнейшем оказалась устойчивой и, с одной стороны, понималась как признак самооценки татарского писателя, с другой — определяла отношение к нему теоретико-литературной мысли.

В диссертации анализируются произведения Хорезми (XIV в.), Максуди (XVI в.) и других авторов, которые уделяют внимание и теоретико-литературным сведениям, положениям. Данные примеры позволяют сделать вывод о том, что до середины XVI в. религиозно-дидактические произведения способствовали распространению теоретико-литературных знаний. В произведениях средневековых авторов мы встречаем высказывания о литературе вообще, о метрике, художественно-изобразительных средствах, о художественном творчестве и др. Видимо, эта информация направляла не только поэтов, но и читателей для соответствующего восприятия произведения.

Большая часть теоретического материала в период средневековья посвящалась целям и задачам литературы. Каждый автор старался вести речь об особенностях литературы, о путях воздействия на людей с помощью искусства, о гуманистических ценностях. Это объясняется, во-первых, характером средневековой литературы, где мировоззренческим центром являлась социально-этическая проблематика, а красота была едина с правдой и добром. Во-вторых, литература в средневековый период воспринималась современниками как возвышенное, наделенное исключительным общественно-культурным авторитетом явление, поэтому она служила формой выражения актуальных философских, общественных, теоретико-эстетических идей. В-третьих, художественная литература по сравнению с научными трактатами была общедоступна, и авторы спешили использовать ее в воспитательных целях, стремясь воздействовать на нравственность в обществе.

Анализируя эволюцию формы произведений, особенностей стихосложения, автор пришел к выводу, что весь процесс становления тюрко-татарского стиха оставил заметный след в художественных произведениях средневековья. Например, Кул Гали, как он сам отметил в поэме, избрал слогосчетный стих и соединил два стиха, состоящих из двадцати четырех слогов, в одну строку. Собранные в единую строфу трехзвенные стихи, благодаря общим звеноразделам и единой рифме, образовали строфу четырехсложника трехкратного²³. Это дало возможность

²³ См.: Усманов Х. Тюркский стих в средние века. — Казань: Изд-во КГУ, 1968. — С.43-44.

существенно улучшить лексический состав, обогатить строфу за счет привлечения малосложных слов.

Вслед за ним Рабгузи перешел к стиху второметра четырехкратного²⁴, в результате стих начал строиться преимущественно из одно-, двух-, трехсложных слов, совсем отказываясь от слов, превышающих в своем составе четыре слога.

Таким образом, на поэтическом материале мы наблюдаем преобразование тюркского стиха, что привело к ликвидации отрыва лексики стиха от лексики живой речи. Комментарии авторов при этом помогали читателям увидеть новаторство поэта.

Прекращение открытой подачи теоретического материала связано, прежде всего, с социально-политическими причинами. Регресс в общественно-культурной жизни татар после насильственного присоединения к России привел к застою во всех областях духовной жизни, в том числе и в литературе. Распространение суфийского учения способствовало развитию суфийской поэзии. Идейно-художественная концепция суфизма, основу которой составляют религиозный мистицизм и система символов, мифологем, наличие особенных изобразительно-выразительных средств, жанров, сделали данный пласт литературы отличным от светско-ренессанских произведений. Основные каноны суфийского искусства были определены еще к XI в., и до Нового времени суфийская литература сохранила свои традиции без изменения, так как основополагающими для нее стали понятия образца, нормы. Жанровое разделение литературы несло теоретико-литературную нагрузку и требовало подчинения жестким правилам и канонам.

В развитии средневековой теоретико-литературной мысли важная роль принадлежал переводной и подражательной литературе, восполняющей пробелы и дающей образцы того, чего не было в ее арсенале. Руководствование общими "правилами" и конкретными "образцами" не вступало в противоречие. Но параллельно начиналось выделение этих "правил" в самостоятельные теоретические исследования. Например, появились первые исследования по стихосложению на тюркском языке.

Как известно, одной из основ арабской поэтики являлась метрика стиха, основателем которой был Халил ибн Ахмад Фарихиди (719-792). Вместе с религией ислама данная наука - "гыйльме гаруз" проникает в тюркский мир. Вскоре появились фундаментальные работы по персидскому гарузу, например, "Рисалии жами мохтасар" Вахида Табризи, "Асас эл-иктибас"

²⁴ Усманов Х. Указ.соч., с. 73.

Насруддина Туси и другие, внесшие отдельные изменения в метрику в связи с требованиями свойств национальной поэзии.

В XV–XVI веках началось создание тюркского гаруза, были написаны труды Алишера Навои “Мизанел эвзон” (Весы стихотворных размеров), Захираддина Бабура “Рисалии гаруз” (Книга о гарузе). По мнению ученых, эти труды привели к появлению самостоятельной науки – тюркского гаруза. Трактаты были очень популярны среди татар и имели большое теоретическое и практическое значение, так как возникновение теоретико–литературной мысли в области стихосложения происходит на основе национальной художественной практики с учетом языковых особенностей. Но они не стали тем национальным учением, которое указало бы пути дальнейшего развития.

1.2. Изменения в теоретико–литературном мышлении у татар во второй половине XIX века

В XIX веке в татарском обществе происходит пересмотр устоявшихся ценностей и начинаются поиски новых ориентиров развития нации. В процессе этих поисков усиливается религиозное реформаторство.

Еще в первой половине XIX в. наблюдаются существенные перемены в культурно–идеологической и социально–экономической областях. С 1800 года берет свое начало история татарской печатной книги, с 1841 года – татарских календарей. Открытие Казанского университета, формирование Восточного разряда ускорили научное изучение татарского языка. Начиная с 60-х гг. XIX в. татары включаются в борьбу за создание периодических изданий на родном языке.

Хотя татарская литература по–прежнему развивалась в духе традиций восточной культуры и цивилизации, в ней происходили значительные изменения. Она постепенно освобождалась от канонов средневековой культуры.

До второй половины XIX в. общепризнанными в теоретико–литературной мысли остаются арабо–персидские риторики и поэтики. Но вскоре турецкие книги и переведенные на турецкий язык книги западноевропейских, особенно французских, авторов, во множестве привозимые купцами из Стамбула на продажу, переводы русской литературы возымели свое действие, изменив отношение к литературному труду. Возникла необходимость поворота от старой, “риторической” теории литературы к новой – “аксиологической”. Этому способствовали несколько факторов. Во–первых, нормативная арабо–персидская риторика и поэтика (балягать) переживала кризис. Если раньше нормативные категории стиля и жанра подчиняли себе субъективную волю автора, то просветительская идеология

и, в частности, новое понимание отношений человека и бытия, когда в центре оказывается не универсальная норма, а мыслящее "я", лишают блага мирозренческого основания.

Во-вторых, некоторые нормативные постулаты, которые не соответствовали грамматическому строю татарского языка, постепенно вытесняются из литературной практики. Вместе с тем меняется понимание роли теоретико-литературных знаний. Если раньше поэтики и риторики стремились стать своего рода руководством для поэтов и писателей, то теперь в качестве главной задачи выдвигается познание законов и описание особенностей литературного творчества.

В-третьих, развитие самой литературы происходит не в русле совершенствования старых правил и норм, а через изменение эстетического сознания писателей. По мнению Ю.Нигматуллиной, в нем преобладала оценка действительности в свете трех, в основном эстетических, категорий: возвышенного и низменного (в их осмыслении переплеталось старое и новое мышление) и прекрасного, понятого в новом, просветительском аспекте²⁵.

Постепенно нарушается и жанровая иерархия: господствующая на протяжении веков стихотворная форма вытесняется прозаическими экспериментами. Рождается татарская драматургия. Идет трансформация прозаических жанров: рассказа, повести, романа. Лирика антропологизируется: сближается с непосредственным и конкретным бытием человека, проникаясь его мыслями и чувствами. Примечательно, что эти изменения восходят уже не к восточной, а к западной и русской теоретико-литературной мысли. При этом происходит не просто "перенос" тех или иных жанров, а выработка адекватных им форм в национальной литературе, то есть практически переносятся не отдельные жанры, а целостная жанровая структура, причем "национальные" элементы этой структуры, возникающие на основе родного языка и, в значительной мере, природной культурной традиции, оказываются адекватными той трансплантированной жанровой структуре, на которую происходит ориентация. В то же время каждый жанр, текст стремится как бы занять свое место, закрепить свою специфику, для чего требуется веское слово теоретико-литературной мысли. В результате последняя начинает развиваться в двух направлениях. Во-первых, появляется особый интерес к разработке специальной философско-эстетической концепции национальной литературы. Во-вторых, начинается комментирование теории

²⁵ Нигматуллина Ю. Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. — Казань: Фэн, 1997. — С. 102.

стиха на примере татарской поэзии, создание национального учения о жанрах литературы.

Первое направление связано с появлением исследований историко-литературного характера. В 1883 г. знаменитый просветитель и философ Шигабутдин Марджани (1818 – 1889) напечатал книгу “Мекаддиме китап вафият эл-эсләф вә тахият эл-әхләф” (Введение к “Подробному о предшественниках и их приветствию потомкам”). Этот труд принадлежит к особому жанру восточных литератур – табакат (жанру биографий), в котором автор излагает взгляды на различные вопросы гуманитарных наук. Основной проблемой является классификация наук. Науку Марджани считает движущей силой общества, все науки делит на рациональные (гаклия) и традиционные (наклия). К рациональным относит математику, физику, медицину и т.п., к традиционным – языкознание, синтаксис и отдельные направления теории литературы: “маган – наука о создании логически правильного содержания с помощью особого расположения слов, баян – наука о способах выражения одного и того же смысла, бадиг – наука о красоте, образности речи, гаруз – наука о стихосложении”²⁶. По мнению автора, словесные науки, будучи вначале средством для понимания “Корана” и “Сунны”, позднее стали самостоятельными науками.

Специального внимания в составе “Мекаддиме” заслуживает раздел о поэзии, где автор подчеркивает синкретизм восточной поэзии и называет арабскую поэзию книгой записей, регистрирующей их науки, историю, философию, их истины и заблуждений. Ученый прослеживает путь развития арабской поэзии на примере творчества поэтов, которые жили в доисламский период и родились после распространения мусульманства.

В “Мекаддиме” есть отдельные высказывания об особенностях поэзии, литературы. Ш.Марджани считает, что поэзия должна быть гармоничной и нравиться людям. Что касается сущности искусства, то ее Марджани видит в выражении истины и воздействии на умы и сердца людей. Истинность воспринимается автором не как факультативный признак художественного слова, а как неотъемлемое качество литературы: неистинное – не поэзия. Утверждение нераздельности поэзии и правды, требование от литературы чего-то большего, чем художественное изложение материала, осмысление значения литературы в контексте нравственных ценностей было закреплено Ш.Марджани не только в религиозном, но и в научном аспекте.

Разделяя искусство на три вида: поэзию, музыку и архитектуру, – автор

²⁶ Марджани Ш. Мекаддиме китап вафият эл-эсләф вә тахият эл-әхләф. – Казан: Иман, 1999. – 47 б.

дает сведения о возникновении, истории и особенностях этих видов. На примере музыки заявляет, что искусство должно служить добру, нравственному совершенствованию человека, и только тогда он может считаться прекрасным.

Ш.Марджани уделяет внимание смыслу литературы и способам его выражения, подчеркивает, что смысл вытекает из слов, но также обладает и некоторой самостоятельностью. Поэтому красота выражения должна подчеркивать смысл произведения. Ученый ставит художественную ценность литературы в непосредственную зависимость от ее моральной ценности.

Проанализировав "Мекаддима", мы пришли к выводу, что Ш.Марджани сделал попытку вывести науку на приоритетное место в обществе наряду с религией. Составленная им классификация наук, в том числе и наук о литературе, сыграла важную роль в их популяризации среди татарского населения. Кроме того, высказывания Ш.Марджани об особенностях и главных законах искусства имели основополагающее значение для развития татарской теоретико-литературной мысли.

Расширение историко-литературных представлений у татар начинается с работ "Вафият эл-эслэф ве тэхият эл әхләф" (Подробное о предшественниках и их приветствие потомкам), "Местафадел-әхбар фи әхвали Казан ве Болгар" (Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара) Ш.Марджани. В них автор стремится проследить связь татарской национальной традиционной науки и культуры с историей, литературой и наукой центральных областей мусульманского мира и показать вклад татар в общемусульманскую науку и культуру. В частности, Ш.Марджани впервые исследует такие тюрко-татарские памятники, как "Нахджел-фарadis", "Кыйсса-и Йусуф", "Бадавам" и др. и доказывает, что они действительно являются духовным наследием татар. Кроме того, дает сведения о татарских поэтах Кул Гали, Г.Утыз-Имяни и других.

Наряду с Ш.Марджани, большой вклад в изучение отдельных проблем теории литературы внес Каюм Насыйри (1825–1902). В 1882 году он переводит и издает персидский трактат Кейкавуса по поэтике "Кабуснамэ" (XVI в.), где автор разрабатывает требования к поэтической речи. Вслед за Кейкавусом К.Насыйри ставит перед татарскими поэтами определенные условия: произведения должны быть содержательными, упорядоченными, рифмованными и богатыми фантазией. Кроме того, поэты должны использовать художественно-изобразительные средства. Но главной в литературе остается функция нравственного эталона, на который равняется общество, объективного, справедливого судьи окружающей жизни.

В книге содержится учение о различиях поэзии и прозы, о поэтических родах и видах. Мәдхия, мәрсия, төухит, газэл и һөжү выделяются как жанры поэзии. В “Кабуснаме” также обнаруживается определенная эволюция в разработке теории стилей. Однако теоретические поиски К.Насыйри тяготели к идеалу. В теоретико-литературной мысли ценилось не соответствие эмпирической реальности, а “правильность”. Поэтому правила и законы носят в основном нормативный характер. Их функция состоит не в познании художественного творчества, а в его регламентации.

С выходом “Кабуснаме” был положен конец периоду “трехязычного” развития теоретико-литературной мысли, хотя арабский и персидский еще оставались языком науки. Книга оказала огромное влияние на дальнейшее развитие национального стихосложения, так как с этого времени начинается сближение национальной художественной практики с теорией литературы.

Со второй половины XIX века начинается изучение национальных памятников народной словесности с применением теоретико-литературных понятий. Это направление также связано с именем Каюма Насыйри. С 1871 года ученый в “Казанском календаре” печатает образцы татарского фольклора. А в 1880 году появляется книга “Кырык бакча” (Сорок разделов), где автор знакомит читателей с образцами татарской народной литературы и приводит учение о поэтических жанрах фольклора. В частности, он выделяет шесть жанровых видов народных песен: грустные, хвалебные, тоскливые, любовные и песни о разлуке и обиде.

В 1884 году появляется дополненный вариант трактата К.Насыйри - “Фәвакиһел-желәса фил-әдәбият” (Плоды разговоров о литературе), где последняя, сороковая глава посвящена проблемам теории и истории литературы. К.Насыйри продолжает изучение поэзии и, помимо мотивационной классификации, ставит проблему структуры фольклорного текста. Ученый, например, обнаруживает, что строфа татарского стиха состоит из двух строк, а первые две строки куплета народной песни по содержанию отличаются от последних двух. Также выявляется вариативность татарской песни. Автор интересуется историей возникновения фольклора, высказывает свои мысли о целях и функциях литературы. К.Насыйри, как и Ш.Марджани, считает литературу действенным средством воздействия на человека, эстетическое наслаждение он называет естественной потребностью людей.

Впервые в татарской теоретико-литературной мысли К.Насыйри задумывается над критериями оценки отдельных произведений. Применительно к татарской народной песни в качестве оценочных

критериев автор выделяет красоту музыки, изящность слов и приятность смысла. В аксиологическом плане автор видит в литературе идеальную, труднодостижимую норму.

В книге делается попытка ритмического и метрического анализа фольклорных и литературных произведений (например, поэмы "Сәхипжамал" Г.Кандалый). При этом автор применяет метры гаруза. Этот факт был знаменателен для татарской теоретической мысли. Как известно, в татарской литературе XIX века соседствуют многие художественно-эстетические системы (суфийская, просветительская, религиозно-дидактическая литературы и другие) и, с точки зрения каждой из них, сама литература, ее границы, задачи и достижения выглядят неодинаково. Каждая система имела свою, существующую в особой форме теорию. Строгую, хотя и не эксплицированную теоретическую базу имел и фольклор. В своем анализе, "переключаясь" от литературы к фольклору, К.Насыйри доказывал возможность построения единой научной концепции исследования различных литературных систем. Такое утверждение могло появиться лишь потому, что теоретическая раздробленность сделалась осознанным фактом, сквозь который просматривалась разнотильность татарской литературы.

На рубеже 40-50-х гг. XIX вв. в западноевропейской и русской филологической науке оформляется особое научное направление – так называемая мифологическая школа. На страницах "Известий Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете", начиная с 1894 года печатаются статьи Е.А.Малова, Н.Н.Катанова, Я.Коблова, Ал.Дмитриева, С.М.Матвеева, И.Н.Смирнова, в которых применяется сравнительно-исторический метод в изучении татарской литературы и фольклора. Концепцией мифологической школы интересуется К. Насыйри. В своем труде "Поверья и обряды казанских татар" (1880 г.) автор прибегает к сравнению татарских народных поверий с фольклором других народов. Применяя принцип заимствования, или миграционную теорию, К.Насыйри пытается определить истоки некоторых мифов и сказок.

В 1896 г. выходит его работа под названием "Образцы народной литературы казанских татар", а в 1900 г. – в соавторстве с П.А.Поляковым – "Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов". Авторы комментируют отдельные произведения, связывают их с народной жизнью. Как и Ф.Буслаев, исследователи подчеркивают, что мифические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке, есть не что иное, как народное осознание природы и духа, выразившееся в определенных образах. Поэтому фольклор раскрывает нам информацию о жизни народа, в нем, как и в языке, содержатся данные о народной философии и о законах мышления.

Но эти труды носили частный характер, и у татар не сформировалось мифологическое направление или школы. Этот факт объясняется, во-первых, тем, что в татарской среде к концу XIX века не создались условия для возникновения мифологической школы: научная мысль еще не созрела для применения передовых концепций к изучению татарского фольклора. Во-вторых, сбор памятников устной народной словесности служил, в основном, для популяризации данного материала среди татар и не воспринимался как объект серьезных научных исследований.

1.3. Теоретико-литературная информация в старометодных учебных заведениях

Формирование и развитие теоретико-литературной мысли у татар было тесно связано с деятельностью учебных заведений. Именно мектебе и медресе знакомили молодое поколение с теоретико-литературными источниками и являлись популяризаторами теоретических знаний.

Зачатки просвещения у татар уходят в глубь веков и связаны с историей Булгарского государства и Казанского ханства. Сохранились сведения, что еще во времена Волжской Булгарии существовали мектебе и медресе при мечетях. Преподавание наук велось в тесной связи с религией: в основе образования и воспитания лежала задача подготовки "правоверного" мусульманина, живущего по законам шарията. И предметы, преподававшиеся в мектебе и медресе, должны были соответствовать этой цели.

После завоевания Казанского ханства основная часть духовного, культурного, научного наследия сосредоточивается в учебных заведениях, терпящих притеснения со стороны властей. Сведений о татарских мектебе и медресе в период со второй половины XVI по нач. XVIII вв. не сохранилось. Конечно, они продолжали существование и хранили дух просветительства. И когда в последней четверти XVIII в. царское правительство признало ислам одной из "терпимых" религий в Российской империи, начали открываться многочисленные мектебе и медресе.

Существовавшие до 90-х годов XIX века мектебе и медресе у нас принято называть старометодными (кадим). Мектеб – конфессиональная начальная школа, имевшаяся при каждой мечети, где основу обучения составляло изучение Корана, начиная с частей Ясин, Эфтиак. На специальных уроках происходило чтение и изучение тюркских текстов на материале татарской и восточной литератур. Известно, что в мектебе были популярны "Кыйсса-и Йусуф" Кул Гали, "Кыйсса-и Рабгузи" Насреддина Рабгузи, "Ахырзаман китабы" С. Бақыргани, "Рисаляи Газиза" Т.Ялыгула, "Мухаммадия"

М.Челеби и др. В 1894 г. был утвержден список книг для чтения с напевом, прошедших цензуру. В нем рекомендовано 15 книг²⁷. В этих книгах, берущих начало от Корана, на примере жизни, поступков отдельных людей проповедовались идеи гуманизма. Чтение напевом было основным направлением в начальный период преподавания литературы.

Второе направление - уроки дидактики и этики, так как нравственное воспитание считалось основой и неизменным условием образования. Одним из самых древних образцов учебника по этике являлась книга Шаеха Сулеймана Саксини "Зөһрәтәр рийаз вә неһнәтәр колүбел мәрәз" (Садовый цветоч, радующий больные души, XII в.). Из сочинений назидательного характера можно назвать "Нахджел-фарadis" (1358) М.Булгари, "Насихатес-салихин" и др. Каждое из них состоит из кратких текстов, которые разделены по тематическому принципу: в каждой части или разделе описываются такие нравственные категории, как доброта и сердечность, щедрость и сдержанность, застенчивость и верность долгу, честность и гуманность, или же рассказывается о явлениях природы, объясняется необходимость знаний и ремесла.

Долгое время эти два направления, связанные с преподаванием литературы, существовали без изменения. В XIX в. с развитием книгопечатания такие рукописные книги, как "Иман шарты", "Пиргули китабы", "Мухаммадия", "Фазайлеш-шехур" и другие стали учебниками. К концу века появились и хрестоматии для уроков чтения напевом и уроков этики.

Таким образом, на начальном этапе образования шакирды знакомились с образцами татарской и тюркоязычной литературы, а сами книги служили источником теоретико-литературных знаний, так как ввиду синкретичности включали в себе информацию эстетического, теоретического характера.

Медресе - высшее и среднее учебное заведение у мусульман. Задача старометодного медресе заключалась в том, чтобы дать шакирдам возможность понимания шариата. Исходя из этого, преподавались предметы двух видов: гыйлем әл-галия (предметы, готовящие к пониманию ислама) и гыйлем әл-шәрғия (предметы, обучающие исламу). Гыйлем әл-галия, в свою очередь, состояла из двух ступеней: фәнүн нәкълия, включающую в свой состав и арабский язык (фонетику, морфологию, синтаксис), и арабскую литературу; фәнүн гаклия, где наряду с другими предметами были логика, философия, риторика и поэтика (балягать).

²⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.733, оп.171, д.656, лл.38-39.

Бәләгәт формирова­лась как наука о средствах образности. В первых трактатах, относящихся к IX-X в., - "Китаб аль-ба­диг" Ибн-аль Могътэзза, "Китаб аль-баян" Аль-Жахиза (на арабском), "Тарджеман аль-бәләгәт" Ра­дуяни (на персидском) - рассматривались средства художественного изображения. Чуть позже в книге "Бадаиғ ас-санаиғ" Гатаулла Махмуд Хо­сейни классифицировал их и обосновал самостоятельные направления бәләгәт. Первое изучало средства, являющиеся поэтическими образами. Второе - средства, являющиеся способом выражения смысла и характеризующие особенности формы поэтического произведения. Третье - формальные средства или словесные, где отсутствовала художественная и эстетическая ценность. Так бәләгәт стала наукой о правилах употребле­ния в речи художественно-выразительных средств, наукой, рассматривающей все остальные проблемы теории литературы под ракурсом красноречия.

В татарских старометодных медресе предмет существовал в виде нескольких самостоятельных наук: бәян (стилистика) - учение о тропах, мәган (художественные мотивы) - о составлении логически правильной речи в соответствующих речевых ситуациях и бәдигъ (поэтика) - наука о красоте речи.

Наряду с ними преподавался гаруз - наука о стихосложении. В качестве учебников использовались "Мизанел-эвзон" А.Навои, "Бабурнамэ", "Рисалия гаруз" З.Бабур, "Рисалия гаруз" Г.Джами, "Гарузи Сайфи" Сайфи Бохараи, "Рисалия джами мохтасар" В. Табризи. Они знакомили с правилами гаруза, рифмовкой и ритмичкой стихотворной речи, особенностями арабского, персидского и тюркского гаруза.

Учебники рассматривали литературу с четырех сторон: мәгънә или содержательная сторона, үлчәү (вәзен) - метрика, ләфз - словесная форма и кафия - рифма. Определенное место в учебниках уделяется недостаткам тех или иных сторон произведений, так как наука бәләгәт считала это составной частью поэтики. Данная традиция восходит к книге IX века "Накыд аш-шигырь" Кудамы бине Джагъфара и является основой для возникновения критики.

Арабская поэтика и риторика (бәләгәт) являлись практическим руководством по теории художественного творчества. В то же время, представляя собой канонизированные учения, они в определенной степени ограничивали развитие теоретико-литературной мысли. Даже первые оригинальные учебники начала XX века по теории литературы во многом опирались на арабские и персидские трактаты.

Если теория поэзии в основном представлена в бәләгәт, то поэтика прозы была растворена в других предметах: морфологии, синтаксисе,

фонетике арабского языка. Обусловлено это тем, что учебники арабского языка уделяли большое внимание проблемам стилистики. В медресе в качестве учебников использовались “Анмузадж” Махмуда Замахшари (1143), “Кафия” Ибн-Хажига (1248), грамматика Саваджи (1357), “Шархе мулла” (1493), “Шархе Габдулла” и другие.²⁸ Р.Фахрединов указал и другие учебники. Например, по морфологии – “Бадан”, “Шархе Габдулла”, по синтаксису – “Гавамил Джурджани” на персидском, “Кафия”, “Аль фаваидез-зыяия” Г.Джами, “Габделгафур”, “Госаметдин” и другие²⁹. Кроме того, татарские ученые-муллы сами писали учебники арабского языка.

Грамматики в качестве языкового материала использовали арабский и персидский язык, классическую литературу. Они, как и учебники белягать, знакомили с особенностями построения речи, композиции коротких фраз и длинных периодов, ритма прозы, применения стилистических украшений, а также с различными стилями изложения: высоким, средним и низким. Таким образом, грамматики явились и родоначальниками стилистики.

Написанные по образцу русских грамматик, первые татарские грамматики – учебники и хрестоматии С.Хальфина, М.Иванова, С.Куляшова – также уделяли внимание понятию стиля.

В конце XIX века появляются татарские грамматики, опирающиеся на особенности национального языка. Например, “Татар телигә кыскача гыйлем сарыф” (1881) Г.Фаизханова, “Кавагыде китабет” (1892) и “Әнмүәж” К.Насыри. Авторы этих грамматик рассматривают языковые явления как материал художественной речи. Они изучают воздействие языковых явлений на литературу и ведут речь о некоторых проблемах поэтики прозы, а значит, предлагают довольно развернутое учение о стиле, способах изложения, речи писателя.

Конечно, теоретико-литературные знания в составе грамматик не отвечали художественному опыту татарской литературы и не образовали стройной системы стилистических учений. Но они расширяли кругозор читателей, их представления о возможностях художественного слова, способствуя развитию художественной прозы на новой теоретической основе.

²⁸ РГИА, ф.733, оп.171, д.656, л.39.

²⁹ Фәхретдин Р. Болгар җә Казан төрекләре. — Казан: Татар.кит.нәшр., 1993. — 241 б.

Глава II. Предпосылки формирования теории литературы как науки (1900–1911 гг.)

2.1. Развитие литературы, публицистики и литературной критики

В начале XX века в общественной и культурной жизни татар происходят существенные перемены. Национальные деятели поставили задачу реформирования татарского общества, общественно-философской, эстетической, научной мысли, культуры. Существенно изменился облик татарской литературы. Новая культурологическая ориентация – от Востока к Западу – стала импульсом для формирования новых тенденций в литературе. Параллельное развитие и взаимодействие различных творческих методов: просветительского реализма, романтизма, критического реализма, – требовали переосмысления культурного опыта самых развитых европейских стран. Литература обогащается новыми жанрами и приемами. Общей тенденцией становится повышенный интерес к национальным проблемам.

При таких обстоятельствах появилась острая необходимость оценки прошлого и настоящего литературы, а также обоснования и определения ее путей дальнейшего развития. Первая задача способствовала развитию литературной критики, вторая – теории литературы. Сама татарская литература становится движущей силой теоретико-литературной мысли. Поэтому национальная теория литературы взаимодействует с литературной критикой, в какой-то степени развиваясь внутри нее.

Во-вторых, формирование теории литературы связано с зарождением татарской периодической печати. Первые наблюдения теоретического и критического характера появляются на страницах газет и журналов. В самой литературе происходит совершенствование теоретических понятий. Например, если просветительская литература пользовалась терминами “шөхес”, “адәм”, “кемсә”, “хикәя кешесе”, то произведения критического реализма апеллируют точными теоретическими понятиями: сурәт (образ), тасвир (описание), каһарман (герой), кыяфәт (портрет), тәрсим (рисунки), күренеш (событие) и т.д.

Наряду с призывами к созданию критики и теории татарской литературы, на страницах периодической печати ведется дискуссия о разработке конкретных проблем теоретического характера. Например, в 1907 году газета “Вақыт” (17 июля) в обращении к читателям ставит проблему поиска научных критериев оценки художественного произведения. В 1907 г. известный татарский поэт Г.Тукай в статье “Төнкыйть – кирәкле шәйдер” (Критика – вещь необходимая) затрагивает вопрос о необходимости создания

критериев для оценки художественного произведения. Автор считает, что если изящные произведения действуют на читателя благотворно, то "грубые" становятся орудием безнравственности. По мнению Г.Тукая, критика прежде всего должна воспитывать у читателей хороший вкус и помочь разобраться в вопросах роли и места литературы в жизни³⁰. С похожими высказываниями встречаемся в статье Г.Баттала "Төнкыйть" (Критика). Как и Тукай, он заявляет, что критика должна помочь читателю отличить хорошие произведения от плохих. Автор также предлагает свои критерии оценки литературы: содержательность, выразительность, красота речи³¹.

В критических и публицистических статьях этих лет ведется серьезный разговор о качестве литературных произведений. Крупный прозаик татарской литературы Фатих Амирхан определяет две функции литературы: исправление языка и раскрытие горя и радости народа. Данная теоретическая мысль доказывается на примере творчества Тукая. В амирхановской оценке, поэзия Тукая есть "самосознание татарского народа, выражение его духа"³².

В 1908–1910 гг. Ф.Амирхан пишет ряд рецензий на новые книги, в которых критериями оценки художественных произведений выступают два признака: образность и язык-стиль. Искусство, по мнению Ф.Амирхана, это "духовный мир нации", "душа народа". Поэтому оно должно стать "зеркалом" национальной жизни. В то же время писатель отличал искусство как духовное явление от материальной жизни общества. Являясь отображением жизни, искусство одновременно служит средством преобразования ее, средством духовного обогащения человека.

Похожие высказывания встречаются в критике Г.Исхаки. Именно мировоззренческое начало в литературе обеспечивает, по Г.Исхаки, его активное отношение к действительности. В то же время автор согласует объективное и субъективное начала в художественном творчестве с помощью понятия "образность". В рецензии "Татар матбугаты. "Жанлы женаза". Төнкыйть" (Татарская периодика. "Жанлы женаза". Критика) образность определяется как главная сила литературы. А в статье "Татар әдәбияты. "Үги балалар" (Татарская литература. "Үги балалар") подчеркивается, что литература воздействует на читателя посредством образов, и если сила воздействия отсутствует, то литература не может называться художественной.

Рецензии татарского драматурга Галиаскара Камала также не обходят

³⁰ Тукай Г. Әсәрләр. 5 томда. — 4 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1985. — 55 б.

³¹ Баттал Г. Төнкыйть // Шура. — 1909. — № 12. — 360-362 бб.

³² Әмирхан Ф. Сайланма әсәрләр. 4 томда. — 4 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1986.

стороной эту проблему. Его интересует способность литературы отражать национальную действительность. Главными критериями оценки произведений автор считает образность, легкость и красоту речи.

Проанализировав критические материалы, появившиеся с 1905 по 1909 гг., мы пришли к выводу, что именно на страницах периодической печати, в недрах татарской литературной критики закладывались основы национального учения о художественной литературе. Это было началом массового теоретико-литературного просвещения и первым шагом на пути преодоления разрыва между литературной теорией и литературно-художественной практикой, что, несомненно, способствовало восприятию и усвоению новых художественных ценностей.

Можно констатировать, что формирование теории татарской литературы, необходимость которой осознавалась национальной филологической мыслью, предполагало прежде всего создание такой системы понятий и представлений, которые служили бы для оценки литературного процесса начала XX в. А такое становилось возможным только на пути творческого освоения передового теоретического опыта западноевропейской и русской филологии и его включения в систему национальных литературных представлений. Поэтому татарская теоретико-литературная мысль с самого начала XX века громко заявляла о своей цели: о необходимости подъема татарской литературы до уровня западноевропейской и русской литератур.

Еще в 1900 году в статье "Моталәгә" (Суждение) Ф.Карими настоятельно советовал татарскому читателю знакомиться с трудами Платона и Аристотеля, Вольтера и Руссо, Л.Толстого³³, а чуть позже татарская периодическая печать уделяла большое внимание западноевропейской и русской культуре и способствовала освоению мирового культурно-эстетического опыта. Пресса стремилась привлечь своих читателей даже к оценке литературы других народов.

Начиная с 1906 года деятели татарской культуры активно занимались переводом на татарский язык не только образцов западноевропейской и русской литературы, но также философских и эстетических сочинений Руссо, Спинозы, Декарта, Канта, Гоббса, Дидро, Тэна, Спенсера, Л.Толстого и других. Такая деятельность давала татарскому читателю возможность постигать "азы" классической культуры и на примере этой информации размышлять о проблемах национальной литературы.

Для изучения и оценки современного литературного процесса филологи

³³Карими Ф. Моталәгә // Мирят садис яхуд алтынчы кәзге. — СПб., 1900. — 176-177 66.

прибегали к сравнению современной и классической литературы, литературы и фольклора. Например, в 1908 году вышла статья Ф.Амирхана “Әдәбиятка гаид” (О литературе). Сравнивая фольклор и литературу, автор дает свои определения, указывая главной отличительной чертой авторство произведений: “Термин “Әдәбият” исользуу как литература и так называю произведения, написанные о разном, где автором является конкретный человек”³⁴.

В статье Ф.Амирхана история татарской литературы становится предметом научного исследования. Намечая периодизацию, автор опирается на памятники устного народного творчества и пытается проследить последовательность движения татарской литературы с древнейших времен, раскрыть историческую обусловленность и закономерность этапов национального литературно-художественного развития.

Отдельные наблюдения над историко-литературным процессом делались и раньше. Например, в вышеуказанной статье “Моталәгә” Ф.Карими заявляет о возникновении новой татарской литературы и начинает ее отсчет с таких произведений, как “Хисамеддин менлә”, “Меннәр, яки гузал кыз Хедичә”, “Салимә, яки гыйффәт”. В 1908 году Ф.Карими пишет большой цикл статей “Русия мәселманнырынды мәктәп, мәғариф вә әдәбият” (Школа, образование и литература у российских мусульман), последнюю часть которой посвящает анализу литературного процесса. Разделяя письменную литературу на две части: “жәдиди” и “кадими әдәбият”, критикует их и определяет некоторые недостатки татарской литературы³⁵.

На страницах периодической печати велись разговоры о древнетатарской литературе. Историко-литературные дискуссии заканчиваются однозначным выводом: историю литературы, образцы народного творчества и древнетатарской литературы нужно изучать и оценить с теоретико-литературных позиций³⁶.

Типологическому сравнению литературы и фольклора посвящается ряд статей. Например, в 1910 г. Г.Тукай читает лекцию “Халык әдәбияты” (Народная литература), в которой определяет характерные особенности литературы и фольклора, отдельных жанров устного народного творчества. В статье говорится о содержании, функциях литературы и фольклора, есть

³⁴ Әмирхан Ф. Сайланма әсәрләр. 4 томда. — 4 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1986. — 67 б.

³⁵ Карими Ф. Русия мәселманнырынды мәктәп, мәғариф һәм әдәбият // Шура. — 1908. — № 6. — 165-166 бб.

³⁶ Акчурина М. Искә әдәбиятыбыз // Шура. — 1911. — № 6. — 508-510 бб.

высказывания о критериях анализа и оценки произведений. Например, автор выделяет три главных элемента и народных, и художественных произведений: “чувства, содержание, образность”³⁷. По его мнению, именно народное творчество является первоосновой национальной литературы. Как и представители мифологической школы, Г.Тукай пишет, что народное творчество позволяет понять “внутренний мир, мысли” людей, таким образом, фольклор является хранителем духовного богатства народа³⁸.

В том же 1910 году Г.Ибрагимов печатает статью “Әдәбият мәсәләләре” (Проблемы литературы), посвященную отдельным проблемам теории литературы. Начиная с вопроса “Что такая литература?”, автор приравнивает понятие “әдәбият” терминам “литература, словесность”. По его мнению, “литература” включает в себе научную, философскую, художественную литературу, а значит, все рассказанное или написанное кем-то³⁹.

Главной особенностью художественной литературы Г.Ибрагимов считает отражение явлений действительности и воздействие на чувства и воображение человека. Впервые в татарской теоретико-литературной мысли в качестве основной функции литературы выделяется эстетическое воспитание. Одна из глав статьи посвящена татарскому устному народному творчеству. Как и Г.Тукай, автор называет три признака фольклора: произведения передаются из уст в уста, их автор неизвестен, хранятся они в сознании народа. В теоретической концепции Г.Ибрагимова определены четыре жанра татарского фольклора: сказки; песни и байты; пословицы; загадки. Легенды и предания, дастаны оцениваются как жанровые разновидности сказок⁴⁰.

Третья глава цикла посвящена литературному произведению. Впервые в теории татарской литературы автор делит литературу на эпическую и лирическую. “Повествовательная литература, — пишет Г.Ибрагимов, — дает информацию, знакомит с мнением, приводит доказательства и воздействует на сознание читателя”, а лирическая – “действует на чувства и воображение человека, тем самым приводит людей к своей идее”⁴¹.

Художественность литературы автор оценивает по трем критериям: красота, чувственность, образность.

Кроме того, Г.Ибрагимов говорит о необходимости создания теории литературы. По его мнению, она нужна для воспитания у читателей

³⁷ Тукай Г. Әсәрләр. 5 томда. — 4 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1985. — 177 б.

³⁸ Там же.

³⁹ Ибрагимов Г. Әсәрләр. 8 томда. — 5 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1978. — 18 б.

⁴⁰ Там же, с.23-30.

⁴¹ Там же, с.32.

эстетического вкуса и могла бы способствовать совершенствованию татарской литературы.

Так, начавшийся на страницах периодической печати разговор о состоянии татарской литературы, об отдельных произведениях перерастает в теоретическое изучение фольклора, литературного произведения вообще. Начинается выделение теоретико- и историко-литературного познания в особые области филологической деятельности со своими системами понятий. Происходит первичное самоопределение теории и истории литературы, слияние теоретико-литературного мышления с реальным литературно-художественным процессом.

2.2. Теория литературы в новометодных учебных заведениях: возникновение новых тенденций

На рубеже XIX–XX веков татарское духовенство оказалось в состоянии исторического выбора в вопросе о системе образования. Идея национальной светской школы притягивала сторонников европейского пути развития нации. Сам термин “ысулы жәдид” – новый метод – стал синонимом процесса модернизации татарского общества. К концу XIX в. сформировалась джадидистская школа, и встал вопрос о создании учительских курсов и джадидских медресе как центров подготовки новой национальной элиты. К рубежу XIX –XX веков эти функции выполняли медресе “Хесеения” и “Рәсулия” на Южном Урале и в Туркестане, “Буби” – в Прикамье, “Госмания” на Среднем Урале, “Мөхәммедия” и “Күл буе” (Апанаевское) – в Поволжье⁴².

В новометодных школах татарский язык и литература вводятся как самостоятельные учебные дисциплины. Наряду с такими предметами, как мәкам (чтение напевом), хифыз (чтение наизусть), күркәм язү (правописание), инша (изложение), в учебных программах достойное место занимают “кыйраат дәресе”, “әдәбият дәресе” или “ана теле дәресе” (для начальных классов). Цель таких уроков – развитие навыков чтения и письма, нравственное воспитание и подготовка к жизни.

Начиная с 1906 г. разрабатываются особые научные правила для татарских школ, издаются программы и учебники-хрестоматии. Хотя учебники-хрестоматии все еще носили назидательный характер, и непосредственно в текстах давались наставления о доброте, честности,

⁴² Хабутдинов А. Миллет Оренбургского магометанского духовного собрания. – Казань: Иман, 2000. – С.132-150.

взаимопомощи и др., в них ставились и такие задачи, как воспитание любви к родной природе и нации, формирование реалистического взгляда на жизнь и др.

В 1910 г. Г.Тукай, написав “Мәктәптә милли әдәбият дәресләре” (Уроки национальной литературы в школе), заложил основу для создания учебников-хрестоматий на материале татарской литературы. Поясняя принципы отбора литературных произведений, автор пишет, что предлагаемые для обучения в мектебе произведения художественной литературы должны развивать у подрастающего поколения такие качества, как милосердие, доброта, сочувствие и т.д., и в то же время должны быть высокохудожественными, чтобы сформировать эстетический вкус у малолетних шакирдов. Так начинает разрабатываться методика преподавания татарской литературы.

На страницах печати ведется дискуссия о задачах и особенностях преподавания литературы. Концепции нравственного воспитания, на чем основывалась образовательная система мусульманского мира и главной целью которой было воспитание правовежного мусульманина, противопоставляется идея воспитания “национальной личности”, чувствующей себя, прежде всего, частью нации. В частности, Г.Исхаки определяет следующие задачи при преподавании литературы: национальное воспитание, подготовка к жизни, воспитание любви к литературе, духовное воспитание, развитие мышления, воспитание милосердия и эстетического вкуса⁴³. Г.Ибрагимов призывает отказаться от традиций обучения, основанных на нравственном воспитании, и определяет основную цель новой школы следующей формулой: “подготовка учеников к личной и общественной жизни, воспитание силы, необходимой в жизненной борьбе”. По его мнению, уроки литературы “должны воспитывать способность к личной находчивости и решительности, инициативе, силу воли и стремление к цели”⁴⁴. Эти примеры свидетельствуют о коренном преобразовании отношения к татарской литературе как к предмету и как к виду искусства.

Новометодные медресе реформируются медленней, чем мектебе. Например, в новометодном медресе “Мөхәммедия” по учебной программе 1913/1914 гг. в средних классах (1, 2, 3) ведутся уроки арабской литературы по 8 часов в неделю, в 4-м классе вводятся занятия по арабскому гарзу по 2 часа в неделю. В 6-7 классах - уроки бәләгәт. В ступени “Галия” продолжается знакомство с арабской литературой.

⁴³ Исхаки Г. Тукай мәктәптә / Мәктәп. — 1914. — № 6. — 125-126 бб.

⁴⁴ Ибраһимов Г.Әсәрләр. 8 томда. — 6 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1986. — 106-108 бб.

Есть и другие примеры. В программе медресе “Буби” за 1907 г. есть “Тюркский баягаты”, татарский язык и литература. С 1910 г. вводятся новые предметы – “Тюркская литература”, где изучалась татарская литература, и “Теория литературы”.

Начиная с 1910 г. на страницах периодической печати часто звучат призывы к преподаванию литературы в медресе. Такую необходимость Г. Сагди, например, связывает с политической ситуацией в стране. По его мнению, развитие татарской литературы позволило бы поднять статус татарского народа⁴⁵. Данная дискуссия переросла в разговор о формировании теории татарской литературы. Возникает новое движение – “Яңа агым хәрәкәте”, которое ставило своей задачей создание новой системы преподавания литературы в медресе. К концу 1910 г. такая система была разработана и предложена. Основу этой системы, в которой татарский язык и литература рассматриваются во взаимосвязи, составили пять разделов: фонетика, морфология, синтаксис, теория литературы и история литературы. Исходя из того, что литература состоит из произведений, те в свою очередь – из предложений, предложения – из слов, слова – из звуков, сторонники новой системы предлагают начать изучение языка и литературы с фонетики. Таким образом, уроки татарского языка должны преподаваться во взаимосвязи с татарской литературой и готовить шакирдов к знакомству с теорией и историей литературы.

Предложенная система вызвала споры и дискуссии. Даже некоторые сторонники новометодных медресе выступали против такой формы обучения. Но “Яңа агым” получило одобрение у преподавателей медресе и стало импульсом к написанию учебников по теории татарской литературы, что способствовало формированию теории национальной литературы как науки.

Глава III. Выделение теории татарской литературы в самостоятельную область знания (1911–1913 гг.)

3.1. Первые учебники по теории литературы: их научная основа и источники

Первые учебники по теории литературы были написаны под влиянием теоретико-литературной мысли других народов. Но решающим в развитии теоретико-литературной мысли было не обращение к созданным на Востоке и Западе теориям и курсам словесности, а к национальной художественной

⁴⁵ Сәгъди Г. Әдәбиятыбызны медресәләрдә укыту // Шура. — 1910. — № 18. — 554 б.

практике. Обусловлено это тем, что теоретико-литературное мышление этого времени живет одним стремлением: оценить сущность и своеобразие современной татарской литературы.

Автор первых учебников Габдрахман Сагди в промежутке с 1908 по 1911 гг. учился в Стамбуле. Как известно, в Османской империи в 1839 г. начались реформы (Танзимат), которые затронули все сферы общественной жизни: от системы административного устройства до вопросов просвещения. Впервые создавались новометодные учебные заведения, в них начали преподавать турецкую литературу, появились учебники по теории и истории литературы: “Тәғлим әдәбият” (1882 г.) Раджаизаде Махмуда Акрама, “Госманлы әдәбияты” (1897 г.) Менменлезаде Тагира.

В учительском институте Г.Сагди изучал не только арабские и персидские языки, но и знакомился со стилистикой турецкого языка, поэтикой и риторикой. Г.Сагди, окончив обучение, вернулся на родину с твердым желанием участвовать в реформировании татарского просвещения.

Первая книга по теории литературы называлась “Мохтәсар қавағыйде әдәбия” (Краткие правила литературы, 1911), в том же году выходит “Мохтәсар қавағыйде әдәбиягә гыйлавлар” (Дополнения к кратким правилам литературы). Автор при изложении отдельных вопросов теории литературы обращается к авторитетному мнению турецких филологов: Сулеймана Фахми, Махмуда Акрам бея, Тауфик Фикрата, Зии Паши. Литературно-теоретические взгляды Аристотеля, Платона, Вольтера, Лафонтена, Л.Толстого, В.Гюго приведены с подачи турецких литературоведов. При объяснении концепции стиля Сагди даже ссылается на мнение своего преподавателя по турецкой литературе Мухамеда Гакыйфа.

“Мохтәсар қавағыйде әдәбия” состоит из четырех глав. Первая посвящена вопросам стихосложения, и автор с самого начала ведет речь об особенностях татарской (не турецкой или арабской) поэзии.

Помимо объяснений особенностей повествовательной и лирической речи, автор особое внимание уделяет метрике стиха. При этом объясняет татарский стих как силлабический. Впервые в татарской теоретико-литературной мысли понятия ритма и рифмы рассматриваются по отдельности, автор ставит точку в споре по данному вопросу Г.Тукая и С.Рамиева.

Г.Сагди, хотя и пользуется терминами бәяләгәч, например, кафия (рифма), бәет (строфа), мисраг (строка), ведет речь именно об особенностях татарской поэзии. Он подчеркивает, что у татар рифма служит не для сохранения гармоничности, а для достижения красоты речи.

Конечно, автор во многом опирается на трактаты по восточной поэтике. Учение о родах и видах литературы, о ее сущности, целях и назначении

написаны традиционно. Например, Г.Сагди пишет: "Рожденные от мысли, чувств и воображения, красивые, с изящной формой и содержанием слова, и их правила называются литературой, самые прекрасные, совершенные, высокие из этих слов - художественной литературой, поэзией"⁴⁶. По его мнению, смысл, чувства и воображение являются критериями оценки художественной литературы.

Основная часть учебника посвящена вопросам стиля и языка литературных произведений. Данное учение опирается на понятия и правила "бәләгать". Но автор сумел творчески освоить опыт арабо-персидских поэтов и объяснить "чужестранные" слова-понятия "по-татарски", причем их выбор был продиктован особенностями национальной литературы. Примерами для автора служили произведения татарских авторов: Г.Тукая, Дердеменда, С.Рамиева, Акмуллы, Ш.Заки и др.

В "Дополнениях" Г.Сагди делает попытку создания эстетико-литературной концепции. Рассматривая литературу как вид искусства, он объясняет ее сущность как отражение материальной и духовной областей бытия. При этом автор превозносит воспитательную функцию, видит ее значение в нравственном воздействии, а также выделяет еще одну функцию - развивающую, не уточняя и не конкретизируя при этом смысловое значение данного термина.

Если в "Кратких правилах..." речь шла в основном о татарской поэзии, то в "Дополнениях..." подробно изучается стиль татарской прозы, в основном, на примере произведений Г.Исхаки.

После выхода в свет первых учебников появилось множество рецензий на них, авторы которых критически отнеслись к увлечению Г.Сагди турецкой теорией литературы. Многие рецензенты связывали дальнейшее развитие теории татарской литературы с теоретико-литературными концепциями Западной Европы (Н.Хальфин, Наразый и др.), русских авторов (Г.Ибрагимов). Были призывы создать оригинальную национальную теорию литературы (Джагфер). Дискуссия способствовала разработке отдельных направлений теории литературы на страницах периодической печати.

В 1912 г. Г.Сагди выпускает новую книгу - "Әдәбият ысуллары" (Методы литературы), где центральным является учение о родах и видах литературы. Автор разделяет литературу на два вида: устное творчество и письменное творчество. В правилах, касающихся фольклора, чувствуется влияние мифологической школы. Например, автор называет устное народное творчество зеркалом, отражающим духовное состояние, мировоззрение,

⁴⁶Сәгъди Г. Мохтәсар каватгыһде әдәбия. — Уфа: Шәрәх матбуғаты, 1911. — 10 б.

историю народа.⁴⁷ Кроме того, автор использует основной метод мифологов для изучения народных пословиц и поговорок. Проанализировав 75 единиц, Г.Сагди делает конкретные выводы, касающиеся особенностей менталитета татарского народа.

В учебнике Г.Сагди выделены семь "родов" литературы: роман, рассказ, сказка, дастан, басня, кыйсса, драма. Данная классификация объясняется тем, что автор при разделении на "роды" исходит из формы произведения. Кроме того, понятие "словесная литература" у него включает и научную, и публицистическую литературу. Именно жанрами рассказа (используется в значении "повесть") и романа определяются научная литература, публицистика и др.

Появление такой классификации в 1912 г. (Г.Сагди интересуется и русской теорией литературы, в одной из статей постоянно цитирует учебник К.Петрова "Курс теории словесности") объясняется тем, что автор, выделив новые для татарской литературы "роды", стремился расширить кругозор татарских читателей. "Роман", "драму" и "повесть" Г.Сагди считал наиболее важными для татарской литературы жанрами.

После "Эстетики" Гегеля стало общепринятым делить литературу на три рода: эпический, лирический и драматический. Об этом, ссылаясь на немецкого философа, писал Н.Хальфин⁴⁸. Похожие выступления были и у Дж.Валиди, и у Г.Ибрагимова. После этого в татарской теоретико-литературной мысли окончательно утвердилось мнение о существовании трех родов поэзии. Газетно-журнальные статьи помогли определиться и с жанрами литературы.

В 1913 г. вышла книга Г.Сагди "Әдәбият меҗаллиме" (Учитель литературы). В учебнике автор кратко и общедоступно излагает все те вопросы, которые были поставлены в предыдущих книгах. Однако в ней многие понятия адаптированы к национальной литературе. Автор вводит в оборот "национальные термины", и что интересно, теория литературы и сегодня пользуется многими из них (например, "чагыштыру", "киная" и др.).

Таким образом, если в первых учебниках Г.Сагди приспособлял турецкую и арабскую литературную теории к татарской литературе (без чего невозможно было формирование собственной национальной теоретической науки о литературе), то в последующих трудах им осознавалась необходимость перехода к новой системе понятий, основанной на

⁴⁷ Сагди Г. Әдәбият ысуллары. — Оренбург, 1912. — 5 б.

⁴⁸ Хальфин Н. "Әдәбият ысуллары" вә аның ишләре // Ан. — 1913. — № 6. — 97 б.

западноевропейской и русской теоретической мысли. Для этого было необходимо войти в ареал западноевропейской и русской художественной культуры. Татарская литература была готова к такому скачку: в ней происходит переход к системе жанров, имевших распространение в литературе европейских стран, создаются произведения, аналогичные по форме произведениям европейской литературы.

Последние две книги Г.Сагди готовили почву для создания новых концепций изучения и оценки литературного произведения. Автор сделал попытку соединить все достижения европейской теоретико-литературной мысли с национальным художественным опытом, поэтическими возможностями татарского языка и сложившимися традициями национальных поэтических форм. Однако учебники не смогли справиться с поставленной задачей, так как в основном опирались на опыт восточных поэтов.

Отвечающей требованиям мировой литературно-теоретической мысли начала XX века и национального литературного процесса стала теория литературы Габделбари Баттала. В 1913 г. выходит его учебник “Незарияте әдәбия” (Теория литературы), где автор, опираясь на “Учебный курс теории словесности” Н.Ливанова⁴⁹, сумел определить основные законы теории татарской литературы.

Книга Г. Баттала ставит точки во многих открытых дискуссиях по проблемам теории татарской литературы. Литературу автор разделяет на два вида: научно-публицистическую и художественную литературу.

Художественная литература, по мнению Г.Баттала, отображает действительность, воспроизводит мысли и идеи в живых образах. Ее главная цель – эстетическое наслаждение⁵⁰. С помощью нового для татарского читателя понятия “поэтический идеал” автор выводит функции “словесного искусства”: литература призывает к добру и красоте, эстетическому совершенствованию.

Художественность литературы тоже объясняется по-особенному. Г.Баттал пишет: “В художественной поэзии идеи, типы и характеры должны быть гармоничны с идеей произведения”⁵¹. В этом вопросе автор обращается к статьям В.Г.Белинского: “О русской повести и повестях Гоголя” и “Взгляд на русскую литературу 1847 года”.

Г.Баттал выделяет три рода художественной литературы: эпос, лирику

⁴⁹ Правда, в некоторых местах Г. Баттал пользуется и восточной теорией литературы, например, при создании теории стиля.

⁵⁰ Баттал Г. Незарияте әдәбия. — Казан: Өмет, 1913. — 51 б.

⁵¹ Там же, с.57.

и драму. Он выделяет также семь жанров эпоса: дастан, идиллию, балладу, басню, роман, кыйсса (повесть) и рассказ. Точные определения, четкие пояснения и примеры из татарской литературы не только способствовали закреплению новых понятий в теоретическом сознании читателя, но и раскрывали все аспекты содержания этих понятий. Именно учение Г.Баттала о родах и жанрах помогло преодолеть татарской теоретико-литературной мысли несоответствие между жанровыми системами, выработанными в западной и восточной литературах.

При этом под пером Г.Баттала возникает самобытная, художественная по форме теория литературы, рассчитанная на воображение и ум читателя. Так, например, говоря о лирическом роде, Г.Баттал пишет: "Есть такие произведения, где поэт с помощью образной и стихотворной речи передает свои мысли, чувства, желания и объясняет их причину"⁵². После чего поясняет: "мысли и чувства человека появляются в результате внешних причин", "но в лирике самое главное не описание картин внешней жизни, а изображение мыслей и чувств, проснувшихся под воздействием этих картин"⁵³.

Исходя из характера чувств, Г.Баттал выделяет три жанра лирики: "фехрия" (ода) - где "с помощью приподнятых, торжественных слов передается возникшее в результате большого события в жизни народа, или дел великих людей, знаменательных вещей, чувство радости, восторга", элегия, где доминирует чувство горести, вызванное какими-либо печальными явлениями, и сатира - выражающая чувства негодования, презрения и ненависти"⁵⁴.

Воспринимая лирику как отражение высших движений души, в своем учении о лирических жанрах автор выступает сторонником личностной, индивидуальной, чистой и глубокой поэзии. Эти качества он выделяет и как условия художественности лирики.

Г.Баттал также впервые создает учение о жанрах и жанровых формах драмы. Особенностью данного рода он считает "художественное описание событий жизни через участвующих в данных событиях личностей", а главную цель видит в раскрытии чувств и духовного мира, психологии человека в борьбе с внешним миром или самим собой"⁵⁵. При исследовании нового для татарской литературы рода автор старается максимально информировать читателя. Например, отсутствие жанра трагедии в татарской литературе не

⁵² Баттал Г. Указ.соч., с.79.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с.83.

⁵⁵ Там же, с.85.

помешало автору выделить ее особенности: в качестве примера он использовал перевод "Бориса Годунова", сделанный С.Рахманколы.

Учебник Г.Баттала совершает целый переворот в теоретико-литературном сознании татарского общества. Повысив статус теории литературы как науки, автор тем самым изменил отношение к литературе, к ее преподаванию в медресе. Его тезис о самоценности литературы, внимание к слову, к художественной иносказательности были началом перемен и в самой татарской литературе.

3.2. Возникновение теоретико-литературной школы общественников: углубление методологии познания литературных явлений

В начале XX в. в татарской теоретико-литературной мысли произошли серьезные изменения, связанные с формированием первой подлинно национальной художественной школы. Опиравшаяся на достижения культурно-исторической школы, теория татарской литературы не остановилась на ступени механического применения принципов этой школы к национальному литературному процессу, а сумела создать уникальную литературно-теоретическую концепцию, которую мы назвали школой общественников.

В основе культурно-исторической школы лежит философия позитивизма. На формирование теоретико-литературной концепции у татар, как и русской культурно-исторической школы, сильно влиял метод французского ученого И.Тэна.

В учении Тэна действует принцип детерминизма: исторические и социальные условия рождения произведений искусства он сравнивает с естественными и физическими условиями роста растений. Его закон гласит: художественное произведение определяется совокупностью общего состояния умов и нравов окружающей среды. Таким образом, связав рождение художественного произведения с литературной средой и временем, ученый утверждает в литературоведении исторический принцип. Но при этом Тэн уделяет искусству очень пассивную роль и отрицает всякое ее значение в смысле воздействия на общество, исправления человеческих нравов и воспитания характера.

Русская культурно-историческая школа рассматривала литературу как средство выражения общественных идей. А татарская теоретико-литературная мысль шагнула дальше и основную идею татарской просветительской литературы – веру в возможность изменения татарского общества посредством литературы – перенесла в область теории литературы.

Этому способствовало как состояние самой татарской литературы, так и то обстоятельство, что литература и в начале XX века оставалась почти единственным средством выражения общественных идей. Поэтому культурно-историческая теория нашла в татарской среде благодатную почву для развития.

Вдохновителем и лидером школы общественников стал Гаяз Исхаки (1878–1954), который связал науку, искусство, эстетику и философию с идеей борьбы. Еще в 1905 г. в статье “Тел” (Язык) он писал, что “начиная с этого момента в жизни нашего народа будет наблюдаться стремление следовать за литературой, быть такими, какими указывает литература. Для будущего нашего народа литература принесет много пользы, она станет предводительницей народа. Поэтому отвечать сегодняшним потребностям народа, поднимать актуальные проблемы – первостепенная задача сегодняшнего дня”⁵⁶. По мнению Г.Исхаки, подлинно национальное общество не создано, его предстоит еще создать. В этом важном деле литературе он отводит главную роль. “Творческое кредо писателя – борьба за сохранение татарской нации и за превращение ее в самую просвещенную и передовую нацию в мире”⁵⁷. Причем, Г.Исхаки ориентируется не на настоящего, реального, а на будущего идеального читателя, на читателя, которого он сам же призван формировать.

Проанализировав его научно-теоретическое наследие, мы пришли к выводу, что Г.Исхаки рассматривает литературу с точки зрения пользы и, называя ее “зеркалом жизни”, требует от нее ярко выраженной социальной и критической направленности. Мерилом художественности автор считает не умение изображать жизненные события, а способность глубоко понимать жизнь, дойти до особенностей воздействия жизненных событий на духовный мир человека⁵⁸. По его мнению, литература – это суждение, анализ общества, стремление понять и объяснить жизнь⁵⁹. Тем самым Г.Исхаки как бы повторяет определение Л.Толстого (“Что такое искусство?”, 1898): искусство есть особый род человеческой деятельности, состоящей в том, что один человек с помощью известных внешних приемов сознательно передает другим те чувства, которые им овладели, а другие переживают их. Таким образом, литература рассматривается как средство общения и, как

⁵⁶ Цит. по: Мусин Ф. ХХІ гасырга кергәндә // Шәһри Казан. – 2000. – 28 январь (№ 4).

⁵⁷ Сәхапов Ә. Исхакий иҗаты. – Казан: Мирас, 1997. – 25 б.

⁵⁸ Исхакий Г. Татар әдәбияты. “Үги балалар” // Мирас. – 1998. – № 2. – 16 б.

⁵⁹ Исхакий Г. Татар матбугаты. “Жанлы женаза”. Төнкыйт // Мирас. – 1998. – № 1. – 41 б.

подчеркивает Г.Исхаки, она распространяет с помощью чувств идеи, которые объединяют людей и показывают им путь⁶⁰.

Здесь мнения Г.Исхаки и Л.Толстого расходятся. Если Л.Толстой рассматривает искусство как импульс для эволюции чувств, то Г.Исхаки – как средство понимания и объяснения общественных закономерностей. Главным критерием художественности Толстой считает заразительность. Исхаки, хотя и отдает предпочтение другим качествам литературного произведения, ведет речь и о заразительности: “когда книга посвящена актуальным проблемам, необходимо описание духовного аспекта явления и это описание должно быть красивым, способным дойти до потаенных уголков души читателя, тем самым привести в движение его дух, пробудить совесть, мозг, порождать в нем новые вопросы – вот разница между простой и художественной книгой”⁶¹. Следы “толстовского начала” дают себя знать буквально на всех уровнях теоретических поисков Г.Исхаки. Если учесть, что по своим теоретико-литературным взглядам Л.Толстой в русской культурно-исторической школе стоял несколько в стороне, становится понятной дискуссия Г. Ибрагимова по поводу позиций общественников с И.Тэнном и Л.Толстым⁶².

По своим философским и нравственным воззрениям Л.Толстому был наиболее близок французский мыслитель XVIII в. Жан Жак Руссо. В основу своей теоретико-литературной концепции Л.Толстой положил два принципа, разработанные Руссо. Первый, по мнению Ю.Лотмана,⁶³ демократизм, вера в врожденную доброту и справедливость человеческих побуждений, отрицание общества. Современная культура и цивилизация строятся, по Л.Толстому, на эгоистических стремлениях человека, более того, они целенаправленно взращивают порочные наклонности, культивируют их. Поэтому он, как и представители культурно-исторической школы, называл литературу зеркалом жизни. Отличие состояло в том, что для Л.Толстого это зеркало должно критически отражать тот путь, по которому развивается цивилизация.

В 1913 г. Г.Исхаки в своем интервью турецкой газете “Санин” определил три качества, которыми должна обладать современная литература: демократизм, боевитость и целенаправленность. Под понятием “демокра-

⁶⁰ Исхакий Г. Указ.соч., с. 40.

⁶¹ Исхакий Г. Татар адабияты. “Үги балалар” // Мирас. – 1998. – № 2. – 46 б.

⁶² Г.Ибрагимов. Альбом мөнәсәбәт белән бер-иксе сүз // Әсәрлер. 8 томда. – 8 т. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1987. – 193-197 бб.

⁶³ Лотман Ю. Руссо и русская литература XVIII - нач. XIX в. // Руссо Жан-Жак. Трактаты. -М.: Наука, 1969. - С.612.

тизм” писатель подразумевал близость к нации, отражение татарской действительности и ее критику, идею служения нации. Понимание демократизма Г.Исхаки в данном случае отлично от понимания этого слова Жан Жаком Руссо и Л.Толстым. Но в обоих случаях “демократизм” воспринимается как жажда абсолютного добра, а литература - как сила, способная пробудить в человеке все хорошее и чистое. Только Л.Толстой подходит к этому с позиции панморализма, рассматривая и оценивая все явления исключительно с нравственно-этических позиций, а Г.Исхаки - с позиции “национализма”. Ни одно явление не могло быть оценено им положительно, если оно не отвечало национальной потребности.

Вторым общим принципом во взглядах Л.Толстого и Ж.Ж.Руссо Лотман считает стремление к идеалу, эквивалентом которого у Г.Исхаки выступает “целенаправленность”: “Литература должна служить европеизации татар, сохраняя при этом все национальное”⁶⁴. Он считает литературу не иллюстрацией идей, поступивших из других областей общественного сознания, а лабораторией и генератором этих идей.

Таким образом, школа общественников находит основные принципы своей концепции во взглядах И.Тэна, Л.Толстого и Ж.Ж.Руссо. Они были подчинены национальной идее, и тезис европейских и русских мыслителей об отражении в литературе действительности Г.Исхаки сузил до правила: в национальной литературе должна отражаться национальная жизнь. Суть концепции состоит в том, что с помощью литературы можно воздействовать на татарское общество и поднять его в культурном отношении до уровня Европы, не теряя при этом национальных особенностей. Эта идея определяет основные законы новой школы о сущности и функциях литературы и восходит к представлению о том, что литература есть нечто более истинное, чем эмпирическая действительность. Она (литература) способна конструировать конечный образ, цель пути татарского общества.

Проанализировав теоретико-литературное наследие Ф.Амирхана, Ф.Карими, Гаты Исхаки, Дж.Насыйба, Р.Фахруддинова, С.Рахманкулый, В.Султанова, Дж.Валиди, мы выявили, что первые опубликованные статьи, появившиеся под непосредственным влиянием концепции культурно-исторической школы, были написаны еще в 1908-1909 гг. В них разработка отдельных проблем теории татарской литературы велась в рамках основных законов школы общественников. Татарские литературоведы ратовали за литературу, тесно связанную с современной национальной действительностью, литературу, способную быть средством познания и

⁶⁴ Исхакий Г. Шималь төреләре әдәбиятына бер караш // Татарстан. — 1993. — № 8. — 34—35 бб.

преобразования национальной жизни. Они ждали от литературы реальной общественной пользы. Хотя одним из главных качеств литературы в трудах деятелей школы общественников указывается образность, основным критерием художественности все-таки называется “национализм” произведений. Например, рассматривая, как и А.Пыпин, литературу тождественной “внутреннему состоянию” общества, Дж.Валиди подчеркивает, что главной функцией литературы является служение не обществу вообще, а именно национальному обществу.⁶⁵ Под “национализмом” подразумевается национальность и народность: насыщенность национальным и народным духом. Похожие мысли были высказаны Ф.Амирханом, Г.Рахимом и др.

В 1911–1912 г. вышли первые учебники по теории литературы. Они целиком повторяют взгляды общественников, касающихся сущности, целей и задач литературы. Объектом изображения литературы называется материальная и духовная сторона человеческой жизни, и главная задача определяется как служение развитию нации через воздействие на нравственность и дух читателей⁶⁶.

Первые учебники и дискуссия, разгоревшаяся вокруг них, способствовали развитию теоретических поисков представителей школы общественников. Учения об образности, типичности в литературе (Г.Сагди, Н.Хальфин), о родах и видах литературы, теории стиля (Г.Сагди, Дж.Валиди, Н.Хальфин), объясняя рождение художественного произведения по тэновской схеме, развивались совершенно независимо от принципов культурно-исторической школы. Если культурно-историческая школа искала ценность литературы не в ней самой, а в запечатленном в ней предмете, то общественники не ограничивают значение литературного произведения подачей информации об исторической эпохе. Учение о национализме позволяет воспринимать литературу как точку зрения на действительность, согласно которой автор, обладающий идеями и чувствами, изображает внеположенный ему мир в свете национальной потребности. Поэтому роль произведения никак не может сводиться к роли “свидетельства” о своем времени. Тэн, называя произведение “пустой раковиной”, видит его ценность в том, что оно хранит следы былого, а общественники, “показав состояние раковины” народу, хотели добиться ответной реакции. Отсюда – распространение дискуссий о путях воздействия на читателя. Г.Сагди в учебниках “Краткие правила...” и “Дополнения...” писал, что необходимо изящно показать “раковину”, то есть народную жизнь, при этом не отказываясь от назидательности.

⁶⁵ Валиди Ж. Татар әдәбиятының барышы. — Оренбург, 1912. — 31 б.

⁶⁶ Сәгди Г. Мохтасар кавагыде әдәбиягә гыйлава — Уфа: Кәримов, 1911. — 3-8 бб.

Н.Хальфин доказывал обратное, считая назидательность уделом публицистики⁶⁷. Джагфер призывал заменить назидательность показом духовного аспекта татарской действительности⁶⁸. Дж.Валиди, подразумевая под назидательностью нравственную оценку автора, указывал на необходимость оценки эстетической⁶⁹.

Школа общественников представляет на суд филологов и читателей несколько законов: о заразительности литературы, об образности, близости к жизни, о народности и “национализме” в литературе. Концепция личности заключается в утверждении идеала образованного, свободного человека, представителя своей нации. Человек понимается как действующее лицо в жизненных событиях и становится основным объектом литературы. Даже образность представляется как модель действительности.

Теория литературы выделяет в структуре художественного произведения три части: мысль; чувство; воображение (фантазию). Идеалом художественности, по мнению деятелей школы общественников, является гармоничное сочетание этих трех элементов.

Наиболее существенным в произведении общественники считают тему. Все остальные понятия: сюжет, стиль как способ изображения событий, форма подчиняются теме. Понятия идеи, идеала, категория красоты оцениваются с точки зрения общественной пользы. Общественникам характерно стремление перестроить национальную жизнь, воплотить свое представление об идеале посредством литературы⁷⁰.

В 1913 г. происходит коренной перелом в теории татарской литературы. Появляются статьи, критикующие татарскую литературу за назидательность и критицизм. В них также ставятся под сомнение и достижения теоретической мысли. Формируется новая школа. Но школа общественников продолжает существовать и после 1913 г. Наличие школы общественников в татарской теории литературы способствовало сравнительно безболезненному утверждению после 1917 г. марксистской теории литературы.

⁶⁷ Хальфин Н. “Кавагыйде әдәбия” һәм “Татар әдәбиятының барышы” // Аң. — 1912. — № 1. — 13 б.

⁶⁸ Жәгъфәр. “Кавагыйде әдәбия”гә “бәла” // Кояш. — 1913. — 7 январь.

⁶⁹ Валиди Ж. Татар әдәбиятының барышы. — Оренбург, 1912. — 82 б.

⁷⁰ Кәримов Х. Әдәбиятта үзгәрешләр көтелә // Аң. — 1913. — № 17. — 295-298 бб.; № 18. — 311-314 бб.; Рафикый Г. Тәнкыйтьчә мулла // Аң. — 1914. — № 16-17. — 306-309 бб.

Глава IV. Поиск пути национального развития теории литературы

4.1. Школа духовников: систематизация теоретико-литературных понятий

Формирование новой теоретико-литературной школы связано, прежде всего, с возникновением в татарской литературе романтического метода, лишённого дидактики.

Кроме того, в теории литературы и литературной критике начинается поиск новой теоретической концепции, в основе которой – утверждение приоритета эстетического начала в литературе. В этой связи в татарской теоретико-литературной мысли появляется особый интерес к психологическому направлению в русском литературоведении.

В основе всех психологических теорий лежит восприятие искусства как индивидуального психологического акта. А предметом анализа являются те психологические процессы, которые протекают в сознании творящего и воспринимающего субъектов. Один из основоположников “эстопсихологии” Э.Эннекен выдвинул требование исследовать явления культуры с точки зрения их художественно-эстетического своеобразия. В России популяризатором этих идей и вместе с тем создателем оригинальной концепции стал А.Потебня. Методологические принципы анализа, выработанные на лингвистическом материале, Д.Овсяннико-Куликовский использовал в области изучения русской литературной классики. Татарские филологи заинтересовались теоретическими разработками Д.Овсяннико-Куликовского.

Русская психологическая школа выдвинула две основополагающие идеи: во-первых, “среду” необходимо рассматривать как сложное и дифференцированное целое, по-разному воздействующее на художников в каждом конкретном случае; во-вторых, писатель, художник, испытывая воздействие среды, выступает как индивидуальная творческая личность со своим особым психологическим складом.

В татарской литературно-критической мысли эти два положения детерминировали теоретическое положение, согласно которому психологический анализ бытия и среды художник выполняет посредством изображения характера и психологии литературных героев. Эта особенность научно-критической мысли имела большое воздействие на теорию литературы, потому что психологизм в указанном контексте не ограничивался только познанием духовной жизни субъекта-автора, уделяя внимание и изображению “внешнего”. Это привело к выдвижению в рамках законов психологической школы принципа “искусства ради пользы”.

Еще один фактор сыграл важную роль. В 1912-1913 гг. под влиянием джадидизма и секуляризации общественной мысли, появилось множество публикаций мусульманских религиозных деятелей (М.Бигиева, М. әл-Гаффари и др.), посвященных проблемам создания высокого искусства, в котором бы выражались религиозные идеалы исламского общества, что способствовало бы проведению религиозной реформы. Предложенный ими принцип отображения в литературе духовной жизни, великих событий был включен в общую концепцию теории литературы. С этой точки зрения, литература воспринималась как образец "правильности", как проповедь, уподобляясь священному тексту, обладающему сакральным значением. Светской литературе даже в понимании религиозных деятелей отводилась та функция, которую традиционно выполняла религиозная литература.

Основной закон новой школы был выдвинут Г.Ибрагимовым. В книге "Татар шагыйрьләре" (Татарские поэты) писатель называет литературу зеркалом души поэта. Отвечая на вопрос "Что такое литература?", Г.Ибрагимов пишет, что в литературном произведении изображается духовность, душа, чувства и воображение творца⁷¹.

Критерием художественности автор считает образность. Кроме того, красота стиля, легкость речи, ее изящность и чистота называются важными качествами литературных произведений. Автор подчеркивает, что литература всегда должна иметь эстетическую окраску, передаваемую не только посредством тонов, но и полутонов, тончайших изгибов мысли, оттенков настроений и чувств. В этом отношении художественная литература несовместима с грубостью и примитивизмом, а утонченность и изящество являются для нее средствами выражения ценностного отношения к реальности.

В качестве основной функции литературы Г.Ибрагимов выделяет "выражение заключенных в сердце народа, но еще не высказанных чувств, с помощью которых раскрывается национальный дух"⁷². Национальная литература должна стремиться познать духовный мир нации как неповторимой системы, что возможно через проникновение в мотивы, идеалы, представления индивидуума - литературного героя.

Г.Ибрагимов основному закону общественников об отражении в литературе действительности противопоставляет другой: "литература выражает дух, внутренний мир человека". Не отрицая воздействие внешнего мира, "среды", общества на художника, автор называет его причиной,

⁷¹ Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре // Әсәрләр. 8 томда. — 5 т.— Казан, 1978. — 81 б.

⁷² Там же, с.134.

обуславливающей понимание необходимости отображения внутреннего мира человека, но в то же время содержанием произведения. Согласно Г.Ибрагимову, в произведении изображаются действительность, образы-герои, природа, предметный мир, но писатель использует их для доведения своей идеи до читателя и выбирает только те элементы, которые нужны ему для раскрытия своего духовного мира и характера своего героя. Поэтому данную школу мы назвали "духовно-теоретической" (рухиятчеләр).

Позиция Г.Ибрагимова близка к теоретическим взглядам В.Белинского, который в статье "Стихотворения Лермонтова" заявляет, что писатель не должен и не может находиться в плену у действительности, которая, хотя и "водит его рукой", но он вносит в нее свои идеалы и преобразует ее согласно этим идеалам.

Вслед за книгой Г.Ибрагимова появляется цикл статей Дж.Валиди "Татар шагыйрьләре" (Татарские поэты, 1913). В теоретических вопросах взгляды Дж.Валиди и Г.Ибрагимова схожи, хотя в оценке творчества отдельных поэтов они расходятся.

Разделив поэтов на три группы, Дж.Валиди пишет, что первая следует канонам Восточной поэзии и видит ценность литературы в разукрашенной форме; вторая, особо превознося мысль, логику и назидательность, забывает о художественности (здесь автор критикует позицию общественников), а третья, идеализируя творчество, ставит перед искусством задачу быть "возвышенным". По мнению Дж.Валиди, в татарской теоретико-литературной мысли преобладает увлечение концепцией последних. "На нашей поэтической арене, - пишет Дж. Валиди, - ведущие позиции занимают произведения, относящиеся к третьей группе, то есть у нас литература служит определенной идее, если можно так сказать, цели". Характеризуя сторонников третьей группы, автор приводит цитату из книги Г.Ибрагимова и подчеркивает, что литературу они воспринимают как "все, что воздействует на наши души и фантазию, что пробуждает чувства и впечатления". С другой стороны, Дж.Валиди указывает на такую ее важную черту, как служение определенным убеждениям, национальной идее⁷³.

Какой должна быть литература? Поиску ответа этому вопросу посвящена еще одна статья Дж.Валиди - "Шигыйрьләр тирәсендә" (Вокруг стихотворений), где излагается точка зрения Овсяннико-Куликовского относительно темы любви в поэзии. Применяя термин "шагыйрь-мосауви́р" (поэт-созидатель образов, художник), автор говорит об образности литературы, находит художественность в красоте образа⁷⁴.

⁷³ Валиди Ж. Татар шагыйрьләре // Вакыт. - 1913. - 24 апрель.

⁷⁴ Валиди Ж. Шигыйрьләр тирәсендә // Вакыт. - 1913. - 25 апрель.

Появление в 1913 г. учебника Г.Баттала "Назарияте адабия" значительно усиливает позиции новой школы. Впервые была предложена теория художественного произведения, отвечающая требованиям времени. Рассматривая художественное произведение как стройную систему, состоящую из четырех элементов: меузу (тема или предмет, о котором говорится в произведении); мөндериже (содержание, сюжет или совокупность мыслей автора); план (композиция) и ифадә (способ словесного выражения), – автор предлагает новое определение художественного произведения: художественным произведением называется "выражение в словесной форме мыслей и суждений о теме в определенном порядке"⁷⁵.

Размышляя о сущности, функции литературы, Г.Баттал подчеркивает, что литература – один из видов искусства, в котором средством для выражения идей, воплощенных в образах и картинах, создаваемых творческим воображением, фантазией художника, служит слово. В каждом художественном произведении воплощается та или другая общая идея в живых конкретных образах, соответствующих этой идее⁷⁶.

Функция литературы определяется как "польза". Литература доставляет человеку эстетическое наслаждение, а оно, в свою очередь, способствует нравственному совершенствованию. Г.Баттал этот процесс представляет так: в художественных образах воплощаются идеи истины, добра и красоты, или положительные идеалы. Художники, воплощая идеи в таких формах, в каких они никогда не проявляются в действительной жизни, облагораживают сердце человека, развивают в нем стремления к правде, добру, красоте. А отрицательные идеи, наоборот, действуют на человека отталкивающе, возбуждают смех, сожаление, негодование и презрение, побуждают его удалаться от зла и порока, стремиться к противоположному полюсу – к положительным идеалам.

Г.Баттал главным стержнем произведения считает идею (у общественников – тема), и эта мысль становится основополагающей в учении новой школы.

Суждения Г.Баттала о художественном идеале, о разделении литературы на роды и виды, определение видов и жанров татарской литературы прочно вошли в теоретико-литературную мысль. С этого момента критика литературы стала пользоваться разработанными теорией литературы правилами и законами. Более того, критические статьи стали ареной споров и дискуссий общественников и духовников.

⁷⁵ Баттал Г. Назарияте адабия. – 8 б.

⁷⁶ Там же, с.51-52.

Например, в 1914 г. была напечатана пьеса Г.Исхаки "Мегаллиме" (Учительница). Не похожая на остальные произведения Г.Исхаки, драма становится "яблоком раздора" в критике. Ш.Ахмадиев называет произведение началом новой литературы.⁷⁷ Э.Мохетдиния на примере пьесы заявляет, что целью литературы должно стать "отражение духа, души"⁷⁸. Ей кажется, что только такая, рассказывающая о духовной жизни, психологии человека литература, может создать общечеловеческие типы и разрешать гуманистические проблемы.

Дж.Валиди также видит в пьесе стремление к изображению общечеловеческих идеалов, называет ее "идеальной". Он считает, что идеальные герои вносят в татарскую литературу романтический дух. Критикуя сегодняшнюю действительность с помощью изображения реальных картин жизни, художники, подобные Г.Исхаки, как считает Дж.Валиди, вместе с тем воплощают идею будущего, посредством создания идеальных героев⁷⁹. Таким образом, учение Г.Баттала об идеале применяется при анализе литературного процесса критиками и становится направляющим для татарской литературы.

В статьях Дж.Валиди проступают контуры новой концепции. Рассматривая литературу как модель бытия, созданную автором, он замечает, что писатели, прочувствовав психологию человека, должны как можно глубже вникнуть в нее. При этом функция литературы определяется в контексте идеи национальной борьбы: в литературе должны отражаться нужные для нации идеи⁸⁰. Таким образом, теоретическая концепция новой школы основывается, с одной стороны, на представлении о реалистической сущности литературы, с другой, на представлении о необходимости изображения духовного мира человека, связанного с реальной действительностью.

Статья Г.Ибрагимова, посвященная пьесе Г.Исхаки, продолжает дискуссию. Автор доказывает, что "произведения состоят из идеи, рожденной в душе писателя", именно идеей определяется, каким будет художественное произведение. "Писатель должен изображать или возвышенную мечту, или правдиво изображать все трудности жизни, заставляя читателя задумываться о них..."⁸¹. Художник, по мнению Г.Ибрагимова, высказывает свою идею,

⁷⁷ Ахмадиев Ш. "Мегаллиме" // Йолдыз. — 1914. — 21 август, 30 октябрь.

⁷⁸ Мохетдиния Э. Кем ул мегаллиме Фатыйма? // Аң. — 1914. — № 23. — 417 б.

⁷⁹ Валиди Ж. "Мегаллиме" // Вакыт. — 1915. — 10 январь.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Ибрагимов Г. "Мегаллиме"нен Уфада уйналуы мөнәсәбәте белән // Тормыш. — 1915. — 25-27 февраль.

но эта идея формируется под воздействием жизни, социальной действительности. В этом, на первый взгляд противоречивом, высказывании нет противоречия. Газиз Губайдуллин, например, объясняя новые требования теоретико-литературной мысли, пишет, что в татарской литературе невозможно отказаться от "политической" нагрузки, но нельзя останавливаться только на показе недостатков национальной действительности. Произведения должны быть высокохудожественными, только тогда в них по настоящему могут быть воплощены авторская идея и цель¹².

На страницах периодической печати происходит совершенствование отдельных учений школы "духовников". Развивая мысль Г. Губайдуллина, Дж. Валиди "поправляет" данное Г. Батталом определение идеала: "идеал - красивая и возможная истина". Проанализировав татарскую литературу, он приходит к выводу, что в ней наряду с произведениями реалистическими (хакыйкый) и романтическими (хыялый), существуют идеальные. "Цель идеальной литературы не в описании выдуманной жизни или изображении картин действительности, а в воздействии на читателя, в пробуждении чувств, очищении сознания, в преподавании уроков нравственности"¹³. Идея литературы должна быть или общечеловеческой, или национальной. Таким образом, если Г. Баттал исходил из того, что положительный идеал - мечта, которая не проявляется в реальной действительности (литература в этой связи берет на себя функцию создания этого идеала), то Дж. Валиди связал его с земной жизнью, с национальной действительностью.

Дж. Валиди вводит в теорию литературы учение об образе автора, ставя во главу представление об авторе не как об историческом субъекте, а как о "природном характере". Он пытается объяснить произведение исходя из психологии писателя и образа автора в данном творении¹⁴.

В 1915 г. журнал "Аң" выпускает альбом с репродукциями картин известных художников. Вводное слово к "Альбому", написанное Г. Ибрагимовым, стало программой духовников. Искусство он понимает как "материальное изображение духовного мира художника". Автор пишет: "Столкновение различных сил и событий бытия, природы рождают в нашем сердце впечатления, мысли, чувства. Словесно выраженные в форме образов чувства, мысли и впечатления становятся романом, поэмой, рассказом"¹⁵.

¹² Газиз Г. Кялечек кеннер // Аң. — 1914. — № 2. — 37 б.

¹³ Валиди Ж. Әдәби хәрәкәт // Аң. — 1915. — № 4. — 85 б.

¹⁴ Валиди Ж. Бер фәндәи әдәбия // Шура. — 1915. — № 1. — 7-8 бб.

¹⁵ Ибраһимов Г. Альбом менәсәбәте белән бер-иксе сүз // Ибраһимов Г. Әсәрләр. 8 томда. — 5 т. — Казан: Тат. кит. нәшр., 1978. — 179 б.

Г.Ибрагимов не согласен с мнением А.Г.Баумгартена о первичности красоты в искусстве. Большая часть статьи посвящена критике теоретических учений И.Тэна, Л.Толстого, Ж.Ж.Руссо, Спенсера и концепции общественников⁸⁶. Он подчеркивает, что для художественной литературы недостаточно отражение действительности, необходимо раскрытие духа, сущности жизни.

Г.Ибрагимов уточняет еще несколько законов школы духовников. По его мнению, объект изображения литературы – духовный мир человека, а жизнь и действительность – движущая сила, причина творческого процесса. По-новому используются понятия красоты и народности, национализма в литературе.

В 1916 г. Г.Ибрагимов выпускает учебник по теории литературы – “Әдәбият дәресләре” (Уроки литературы). Хотя его книга во многом была схожей с учебником Г.Баттала, в ней оказались усовершенствованы многие теоретические положения. Например, заменив труднопроизносимый термин “тәэлиф” на “әсәр”, Г.Ибрагимов предлагает следующее определение литературного произведения: “описание (письменное или устное) мыслей и чувств об объекте, в котором образ его перерождается в мечтах или представление о нем запечатлевается в виде мысли или переживания”⁸⁷. По мнению автора учебника, произведение состоит из четырех элементов: темы, сюжета, композиции и стиля. Их взаимная гармония является критерием художественности. При этом все выделенные элементы ставятся в зависимость от идеи⁸⁸.

Г.Ибрагимов особо отмечает значение категории стиля в литературе, рассматривая стиль как применительно к творчеству определенного писателя, так и к конкретному этапу в развитии национальной литературы. Он рассматривает проблемы стихосложения, художественной речи как элементов стиля.

Автор предлагает оригинальную концепцию художественного образа. Определяя статус образов по нарастающей: персонаж – характер – тип, – Г.Ибрагимов предпринимает попытку определения национальных особенностей литературы при помощи системы образов⁸⁹. Достоинство внимания учение о сюжете, где данное понятие объясняется как эволюция авторского отношения, мысли. Выдвигая на первый план духовное начало,

⁸⁶ Ибрагимов Г. Указ.соч., с.187.

⁸⁷ Ибрагимов Г. Әдәбият дәресләре. – Казан: Сабах, 1916. – 10 б.

⁸⁸ Там же, с.12.

⁸⁹ Там же, с. 120-121.

Г.Ибрагимов определил литературу как объективированное инобытие авторского “я”, душевный мир человека в словесной форме.

Таким образом, книга “Әдәбият дәрәсләре” фактически завершила период формирования теории татарской литературы. “Борьба за художественность в литературе” 1913–1916 гг. закончилась победой новой концепции.

4.2. Отношение татарской теоретико-литературной мысли к новым литературно-эстетическим концепциям начала XX века

Одной из особенностей татарского литературного процесса начала XX века стало параллельное развитие и взаимодействие различных творческих методов, в числе которых были и модернистские течения. В творчестве многих представителей национальной литературы этого периода отчетливо проявляются результаты поиска новых средств художественной выразительности. К восприятию и творческому переосмыслению новых, модернистских экспериментов способствовала и особенность самой литературы, которая к началу XX века не утратила своих восточных корней, уходящих вглубь философско-эстетической мысли нации. Особо в этом плане стоит отметить традицию суфизма, философско-эстетические основы которой были близки к символизму и экзистенциальной философии, элементы которых проявились в татарской литературе начала XX века⁹⁰. Кроме того, татарских писателей и мыслителей интересовала проблема психологического обогащения художественного образа, а модернистские системы были ориентированы именно на самовыражение человека, раскрытие его психология, внутренней жизни, чувственного мира.

Еще в 1906–1908 гг. Дердеменд публикует стихотворения, отвечающие эстетике символизма. Философия экзистенциализма легла в основу творчества многих поэтов и писателей: М.Ханафи, С.Рамиева, Н.Думаи и др. Импрессионистические приемы использовались как в реалистической, так и в романтической литературе и стали средством отображения красоты, чувственности, таинственности, безобразного, страшного, трагического и т.д.

Первыми модернистские приемы стали использовать такие крупные деятели татарской литературы, как Ф.Амирхан и Г.Ибрагимов⁹¹, что привело к их популяризации. Кроме того, переводы модернистских произведений способствовали выработке новых художественных течений. Отметим в этой

⁹⁰ Саяпова А. Поэзия Дардменда и символизм. — Казань, 1997. — С.75-76.

⁹¹ Ганиева Р. Татар әдәбияты һәм Фатих Әмирхан // Мәгърифәт. — 1996. — 13 январь.

связи и публикации в журнале "Аң", который знакомил своих читателей с философско-эстетическими взглядами Ф.Нишше, А.Шопенгауэра и др.

В теоретико-критических статьях появляются отдельные понятия, присущие модернистской литературе и теории. Например, Гали Рахим называет поэта С.Рамиева "индивидуалистом", пишущим для определенного слоя общества – национальной элиты. Ф.Сайфи приветствует экспрессионизм в татарской поэзии⁹².

В 1914 г. выходит статья Н.Хальфина "1913 елда татар шагыйрьләре" (Татарские поэты в 1913 году), в которой он пишет, что только оторвавшись от земной действительности, можно создать настоящие произведения искусства. По его мнению, служение определенной эмпирической цели является препятствием на пути создания настоящей литературы. Если произведения посвящены земным проблемам, они не могут называться настоящими произведениями искусства⁹³.

Очень интересны в этом плане статьи М.Ханафи. В частности, автор доказывает, что проблемы, считавшиеся национальными, на самом деле являются общечеловеческими, и что именно модернистские течения способны вывести татарскую литературу из узких национальных рамок в масштабы мировой литературы, общечеловеческой философии⁹⁴. В качестве примера автор приводит европейскую модернистскую литературу, в которой произведения так полно показывают красоту, воздействуют на человека⁹⁵.

Теоретико-литературная мысль также интересуется новыми течениями. Газета "Йолдыз" в 1913–1914 гг. знакомит своих читателей с футуризмом, что в конечном счете заканчивается критикой данного направления.

Н.Думаи в статье "Бер мөляхазә" (Одно суждение) предупреждает о возможных негативных последствиях массового проникновения новых течений, вплоть до потери национальных особенностей, и, не отвергая модернизм, призывает к поиску "национальной формы"⁹⁶.

Статьей Н.Думаи открылась большая дискуссия. Правда, ответное выступление Дж.Валиди сделало попытку перенести ее в другой аспект: определения ориентации татарской культуры между Западом и Востоком. Однако в следующей работе⁹⁷ Н.Думаи снова концентрирует внимание на

⁹² Сайфи Ф. Сәгыйть Сүнчәләй шигырьләре // Аң. – 1913. – № 21. – 8-10 бб.

⁹³ Халфин Н. 1913 елда татар шагыйрьләре // Аң. – 1914. – № 1. – 11-12 бб.

⁹⁴ Хәнафи М. Жиняты һәм жәза // Аң. – 1915. – № 9-10. – 194-196 бб.

⁹⁵ Хәнафи М. Хатын – кем? // Аң. – 1914. – № 4. – 78-79 бб.

⁹⁶ Думаи Н. Бер мөляхазә // Йолдыз. – 1915. – 14 октябрь.

⁹⁷ Думаи Н. Шарыктан Гарәбка мөнәсәбәт ила // Аң. – 1916. – № 9. – 157-159 бб.

проблемах перспективы развития национальной литературы. Не пропагандируя модернизм, автор противопоставляет его нормативности в литературе и считает, что новые приемы позволяют довести до читателя в более полном объеме красоту, силу духа и любви. Но самое важное значение модернизма в том, что в нем не ограничивается фантазия творящего субъекта, которая, по мнению автора, помогает раскрыть все величие человеческого духа, личности.

Каким же видится автору будущее татарской литературы? Обобщая его размышления по данному вопросу, можно свести их к одному тезису: литература должна обращаться к новым приемам, модернистским элементам, при этом сохраняя и развивая национальные традиции.

В 1915–1916 гг. в газете “Тормыш” появились статьи, популяризирующие модернистские течения*.

Проанализировав многочисленные газетно-журнальные материалы, так или иначе соприкасающиеся с проблемами модернизма, мы пришли к выводу, что теория татарской литературы четко выразила свое отношение к новым течениям, считая их важным средством совершенствования литературы.

Глава V. Утверждение марксистской теории литературы (1917 – 1930-е гг.)

5.1. Поиски и дискуссии в теории литературы

Материалистическое понимание истории человеческого общества, обоснованное в трудах К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, после 1917 г. стало господствующей и начало оказывать сильное давление на все области гуманитарных знаний. Перед теоретико-литературной мыслью была поставлена задача освоения марксистского метода, что послужило началу перестройки литературной науки.

В отличие от русского литературоведения, где в конце XIX – начале XX веков сформировалась марксистская эстетика, теория татарской литературы развивалась в других направлениях. Поэтому резкие перемены привели к дискуссиям о методе, противоречиям во взглядах. В процессе полемики разрабатывались основные положения историко-материалистического

* Например, статьи Самата, написанные в виде обзора лекций П.С.Когана о модернизме, прочитанных в Уфе. См.: Самат. Күк кош ва безнең көннәр // Тормыш. – 1915. – 30 октябрь; Әдәбиятта ва хәятта вахшиләшү ва таҗамел итү // Тормыш. – 1916. – 14 сентябрь.

понимания литературы. “Уже к началу 20-х годов в обстановке сложной политической, идейно-эстетической борьбы намечаются контуры новой критики; стремления осмыслить марксистско-ленинское учение о культурном и литературном наследии”⁹⁹.

На страницах периодической печати происходила интерпретация историко-материалистической методологии в рамках теории литературы. Данная методология основывалась на следующих принципах: 1) в революционном искусстве отражается сама революция; 2) в произведениях искусства отражение действительности должно подчиняться коммунистическим идеалам; 3) отвечающие этим требованиям произведения служат воспитанию трудящихся в духе коммунизма¹⁰⁰. Очевидно, что новая методология противоположна теоретической концепции духовников.

Критике подвергаются дореволюционные концепции изучения татарской литературы, и многие литературоведы подчеркивают неизбежность перемен в области теории литературы. В 1920 г. Г.Ибрагимов называет экономические отношения в обществе базисом искусства¹⁰¹. Правда, в 1922 г. в его статье “Өч җавап” (Три ответа) основным критерием художественности литературы указывается образность¹⁰². В художественном образе, по мысли автора, выражены генетические и причинные связи произведения с действительностью и проявляется не только формальная, но и содержательная сторона произведения.

Книга Г.Ибрагимова “Пролетариат әдәбияты турында” (О пролетарской литературе), опубликованная в 1924 г., стала программной для теории татарской литературы. Здесь автор разъясняет концепцию Г.Плеханова, тем самым намечая направление развития литературной науки. Литература называется идеологией общества, отражающей свойства психологии различных классов. Такие элементы художественной литературы, как форма и стиль (пока еще понимаемые как способ выражения идеи) объявляются вторичными по отношению к содержанию. Сравнивая литературу с “плодами растений”, “корнями” которых являются экономические отношения¹⁰³, Г.Ибрагимов подчеркивает историзм литературного процесса: “поэты—писатели живут не в поднебесье, находят вдохновение не на небе,

⁹⁹ Галиуллин Т. Дыхание времени. — Казань: Изд-во КГУ, 1979. — С.16.

¹⁰⁰ Госман Х. Татар совет әдәбияты фәнненең беренче адымнары // Совет әдәбияты. — 1960. — № 7. — 135 б.

¹⁰¹ Ибраһимов Г. Әсәрләр. 8 томда. — 5 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1978. — 241 б.

¹⁰² Ибраһимов Г. Әсәрләр. 8 томда. — 5 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1978. — 311 б.

¹⁰³ Ибраһимов Г. Әсәрләр. — 8 томда. — 5 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1978. — 241 б.

они плоды определенного времени, определенного общественно-экономического строя, поэтому открываемые ими миры, живые картины жизни тоже разные"¹⁰⁴. Следует отметить, что в теоретическом плане Г.Ибрагимов как бы пересматривает свои прежние взгляды и обращается к наследию культурно-исторической школы.

Многие литературоведы (Ф.Бурнаш, Г.Сагди, Г.Нигмати и др.) выступали против замены критериев художественности социально-политическими критериями. Эта полемика, по сути, являлась дискуссией о путях развития татарской теории литературы. Например, Г.Рахим указывал два возможных пути ее развития: эстетической и социологической, основанной на учете общественной ценности произведения¹⁰⁵. По его мнению, именно второй путь позволяет рассматривать литературу как часть материальной культуры. При этом художественной литературе дается следующее определение: "Литература - выросшая из основ экономической и общественной жизни народа и связанная с ней своими корнями вещь"¹⁰⁶.

Анализ полемики 20-х гг. XX века свидетельствует о влиянии на теорию татарской литературы плюрализма русского литературоведения. Среди различных теоретических школ: формальной (В.Переверзов), социологической и ее разновидностей: вульгарно-социологической (В.Фриче) и формально-социологической (П.Сакулин), — наиболее импонировала татарским филологам последняя, которая в рамках научного монизма оставалась эстетической концепцией литературы. Следует также отметить тот факт, что научные исследования П.Сакулина опирались на философию позитивизма¹⁰⁷ и являлись своеобразным продолжением учения культурно-исторической школы. Этим объясняется возрождение интереса татарских ученых к принципам данного направления.

Среди молодого поколения литераторов были и последователи вульгарно-социологической методологии (Г.Тулумбайский, А.Шамов, Ф.Мусагит и другие). Они воспринимали литературу в качестве "фотографии" действительности, а художественность связывали с точностью обрисовки бытия как социума.

Выдвижение нового метода литературы - социалистического реализма

¹⁰⁴ Ибрагимов Г. Әсәрләр. — 8 томда. — 5 т. — Казан: Тат.кит.нашр., 1978. — 311 б.

¹⁰⁵ Рахим Г. Урта мәктәпләрдә әдәбият укыту турында // Совет әдәбияты. — 1924. — № 5. — 287 б.

¹⁰⁶ Рахим Г. Урта мәктәпләрдә әдәбият укыту турында // Совет әдәбияты. — 1924. — № 2. — 58 б.

¹⁰⁷ Николаев П. Марксистско-ленинское литературоведение. — М.: Просвещение, 1983. — С.170.

стало началом разработки социалистической эстетики. В 1939 г. появляется "Әдәбият теориясе" (Теория литературы) Галимджана Сагди¹⁰⁸, где делается попытка определить основные теоретические понятия посредством понятийного аппарата марксистско-ленинской материалистической диалектики.

Результатом этой тенденции становится отказ от понимания необходимости национальной теории литературы, что приводит к кризису теоретико-литературной мысли. Социалистический реализм понимается как художественное направление в литературе со своими установившимися принципами, со своими определенными "нормами", со своей поэтикой. В таких условиях наука о литературе и критика были несвободны в выражении своих позиций¹⁰⁹.

В дальнейшем в рамках марксистско-ленинской теории литературы будет происходить критический пересмотр и усовершенствование установленных ранее понятий, законов, норм.

5.2. Отдельные законы литературы и вопросы поэтики

В 20-е гг. XX века основными учебниками по теории литературы еще остаются книги Г.Баттала и Г.Ибрагимова. Вышедшая в 1920 г. книга Гаты Исхаки "Әдәбият юллары" (Пути литературы) продолжает традицию дореволюционных учебников.

Нововведения начинаются с книги Г.Нигмати "Әдәбият мәйданында" (На литературной арене, 1925), посвященной изучению творческих методов, направлений и течений в татарской литературе. Если в дореволюционной эстетике стиль был синонимом индивидуальной авторской манеры, а романтизм или реализм воспринимались как течения, то теперь эти понятия рассматриваются как стили. В новой теоретической концепции литература понимается как поэтика стиля социалистического искусства. Поэтому автор затрагивает проблему сущности и функций литературы. Сами теоретические положения свидетельствуют о существовании глубоких противоречий. Назвав литературу частью искусства, Г.Нигмати весьма специфически определяет функции литературы: 1) литература служит развитию чувств человека; 2) она является орудием классовой борьбы; 3) литература должна утверждать власть господствующих классов¹¹⁰.

¹⁰⁷ Николаев П. Марксистско-ленинское литературоведение. — М.: Просвещение, 1983. — С.170.

¹⁰⁸ Сагди Г-жан. Әдәбият теориясе. — Казан: Татгосиздат, 1939. — 67 б.

¹⁰⁹ Галимуллин Ф. Эстетика һәм социологизм (20-30 еллар татар әдәбиятында эстетика канунарының һәм социологизм талашларынң үзгәрешләре). — Казан: Мәгариф, 1997. — 219 б.

По мнению автора, поэт выражает взгляды своего класса, среды. В качестве доказательства приводится материалистическая концепция Г. Плеханова о красоте в литературе, основанная на теории Н. Чернышевского¹¹.

Автор тщательно анализирует творческие методы и направления в татарской литературе, останавливаясь даже на таких явлениях, как имажинизм и футуризм. Но такой анализ заканчивается отрицанием авангардистских поисков.

Те же проблемы лежат в центре книги Хайрутдина Вали "Әдәби типлар механизмы" (Механизм литературных типов, 1929). Теорию художественности автор сводит к учению о типах. Мерилом художественности объявляется способность к созданию нового типа: "писатель-реалист копирует жизнь, и изображает ее с помощью типов". Но при этом основную роль в литературном произведении играет не идея, а факт действительности. В то же время действительность интересна, как пишет автор, с "психической стороны", которая может быть раскрыта только при помощи типов¹².

Эта противоречивая на первый взгляд теория была для своего времени "шагом вперед". Рассматривая человека не только в социальном контексте, но и с точки зрения психологии, автор определяет личность как эстетическую ценность литературы. Понятие "тип" связывается в представлении Х.Вали не только с социальной действительностью, и тем самым повышается значение формальных элементов. Утверждая тотальную социальную обусловленность литературы как со стороны содержания, так и со стороны формы, Х.Вали тут же начинает поиск внутренних законов творческого процесса.

В книге Г.Нигмати "Әдәбият һәм тормыш" (Литература и жизнь, 1931) высказываются схожие идеи. С одной стороны, автор излагает материалистическую концепцию Г.Плеханова, с другой - развивает эстетическую теорию художественного творчества. Автор утверждает, что литература отражает общественные идеи, но "писатель художественно преобразовывает действительность в соответствии со своей идеологией, классовой позицией"¹³.

В таком же духе истолковывается понятие образности: в художественном образе, по мнению Г.Нигмати, происходит слияние классового содержания с эстетической формой произведения¹⁴.

Примечательно, что Г.Нигмати подчеркивает нетождественность

¹¹ Нигмати Г. Указ.соч., с. 18.

¹² Вали Х. Әдәби типлар механизмы. — Казан: Яналиф, 1929. — 6-7 66

¹³ Нигмати Г. Әдәбият һәм тормыш — Казан: Яналиф, 1931. — 12-13 66.

¹⁴ Там же, с.19-23.

литературы и действительности, считая, что художественный образ рождается в сознании писателя. В его теории действительность называется не объектом, а средством изображения литературы. Взгляды автора в каких-то моментах приближаются к концепции психологического направления. При этом большая часть книги посвящена критике формализма и психологизма в татарской литературной мысли.

В 1932 г. выходит книга Г.Сагди "Символизм турында" (О символизме), где литература рассматривается как смена стилей различных эпох. С его точки зрения, в создании стиля определенной эпохи участвуют различные общественные классы, но психологические особенности эпохи определяются в основном экономической деятельностью господствующих социальных слоев¹¹⁵.

Книга написана под воздействием "Очерка развития западных культур" В.М.Фриче. Однако при анализе конкретного литературного материала (например, стихотворений Дердеменда, М.Гафури и др.) Г.Сагди обращается к эстетической теории, рассматривая совокупность художественных приемов как основу стиля в его традиционном значении (совокупность индивидуальных творческих приемов).

В 20-30 гг. XX века появилось множество работ по поэтике, авторы которых стремились на материале татарской поэзии тщательно и глубоко исследовать проблемы художественной формы¹¹⁶. Это движение началось как отрицание форм "старой", дореволюционной литературы.

Например, в 1923 г. вышла в свет статья Х.Такташа "Ижадиятем турысында" (О моем творчестве), в которой был поставлен вопрос о будущем татарской литературы. Призывая отказаться от старой, "узкой для огненных сердец" формы, Х.Такташ формулирует шесть тезисов относительно сущности "новой" формы: 1) старая форма татарской поэзии должна быть разрушена; 2) место дидактики в литературе должна занять образность; 3) от красивых слов необходимо перейти к глубокому содержанию; 4) теория литературы должна способствовать свободному творческому поиску; 5) на смену напеву должно прийти речевое интонационное стихотворение; 6) в стихотворении должна звучать "музыка души" поэта.¹¹⁷

Полемичной по отношению к статье Х.Такташа оказалась статья Г.Рахима "Нәлэтләр шагыйре" (Поэт проклятий, 1923), вторая часть которой была посвящена теоретическим вопросам. В ней автор утверждает право

¹¹⁵ Сәгди Г. Символизм турында. — М.: Центриздат., 1922. — 7-10 бб.

¹¹⁶ Галимуллин Ф. Указ. соч., с. 174-180.

¹¹⁷ Такташ Х. Әсәрләр. 3 томда. — 3 т. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1983. — 10-11 бб.

татарской поэзии на существование в любой форме, лишь бы она не теряла гармонии и красоты звучания¹¹⁸.

Г.Рахим существенно расширяет границы самого понятия "форма", указывая, что лирический герой, способы выражения чувств, средства, усиливающие экспрессивность, конфликт, картины природы и т.п. тоже являются элементами формы.

Помимо указанных статей, были и выступления иного толка. Широкое распространение получает мнение, что законы стихосложения, ритм и рифма должны уйти со сцены вместе со "старой" литературой. Например, К.Наджми пишет, что новой литературе не нужны ни ритм, ни рифма. Их место займут словесные средства, выражающие движение, смену настроения. Под "формой" автор подразумевает словесную оболочку, композиционные элементы: повторы и т.д.¹¹⁹.

В данной полемике принял участие и Х.Туфан, назвавший традиционное стиховедение "ЭБИЗМ" – школой законов подражания древности. При этом Х.Туфан образно представляет форму и содержание как близнецов: новая форма литературы должна соответствовать новому содержанию. Для создания новой формы в поэзии автор предлагает новые законы рифмовки¹²⁰.

В начале 30-х гг. XX в. поиск новой формы становится массовым явлением. Сторонники создания новой литературы сделали форму предметом эстетического анализа и оценки литературы. Своеобразной кульминацией стало появление книги Хайрутдина Вали "Татар шигыре тезелеше (метрикә)" (Строение татарского стиха, 1929). Исходя из фонетических особенностей татарского языка, автор определяет правила татарского стихосложения. Поэтическая форма рассматривается как специфическое явление языка, как "язык в его эстетической функции".

К сожалению, уже в первой половине 1930-х гг. "формализм" стал синонимом "беспринципности" в поэтике. Появляются статьи К.Наджми, Х.Такташа, Х.Туфана, где основой новой литературы указывается "партийность". Например, Х.Такташ в статье "“Партиясыз” һәм партияле шигырьләр турында" (О "беспартийных" и партийных стихах, 1931 г.) выдвигает три положения: 1) художественная литература должна основываться на актуальной идее о сегодняшней борьбе; 2) сюжет произве-

¹¹⁸ Рахим Г. Наләтләр шагыйре // Мирас. – 1996. – № 1-2. – 54 б.

¹¹⁹ Наҗми К. Әдәбият дөньясында. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1976. – 18 б.

¹²⁰ Туфан Х. Яңа шигырь техникасы турында // Безнең юл. – 1928. – № 6-7. – 16 б.

дения подчиняется идее; 3) художественные средства служат выражению идеи¹²¹.

Таким образом, основатели формальных поисков меняют свои позиции и начинают выступать против лингвистического, структуралистического подхода к литературе и ставят задачу раскрыть специфическую природу содержания, посредством категорий классовости, партийности и др. В области стиховедения тоже начинает господствовать марксистско-ленинская методология. Теоретическая поэтика уступает место исторической поэтике.

Как результат таких перемен, в конце 1930-х гг. изучение поэтики татарской литературы распадается на три самостоятельные направления. С одной стороны, комплексное изучение жизни и творчества отдельных поэтов. С другой – развивается стилистика, изучающая стилистические особенности литературы. Третье направление связано с исследованием национального стихосложения.

Интенсивное развитие теоретической поэтики в 1920–1930 гг. определялось особенностями литературного процесса. Многообразие художественных форм, порожденное этой эпохой, требовало научного освоения и осмысления. В результате многие идеи тех лет вошли и в современные представления о художественной форме. Конечно, в современной поэтике преобладает изучение не столько словесной формы, сколько жанров, сюжетов, композиции.

Заключение

1. Долгое время существовало устойчивое мнение, что до 1917 года у татар отсутствовала теория литературы. Однако проследив путь развития национальной теоретико-литературной мысли, проанализировав имеющиеся работы по теории литературы, изучив теоретико-литературные взгляды татарских филологов, мы пришли к выводу, что теория татарской литературы как наука возникла в начале XX в. При этом за сравнительно короткий срок своего существования развивалась весьма быстро и энергично, породив несколько оригинальных школ, конкурировавших между собой и дополнявших друг друга.

2. Возникновению самостоятельной науки о литературе предшествовал длительный период развития теоретико-литературной мысли. Развитие литературы в средние века и появление большого количества литературных произведений, усовершенствование их содержания и формы создали благоприятные условия для возникновения теоретико-литературной мысли.

¹²¹ Такташ Г. Әсәрләр. 3 томда. – 3 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1983. – 94 б.

Литература воспринималась как концентрация религиозных и культурных ценностей. Сами художественные произведения стали способом выражения теоретических взглядов на сущность и задачи литературы, пропагандой новых форм и средств. Этот период мы называем синкретическим периодом в развитии теоретико-литературной мысли.

Помимо этого, одним из источников теоретико-литературных знаний в средние века явились проникшие вместе с исламом арабо-персидская риторика и поэтика (балягать), которые служили своего рода руководством к пониманию художественности в литературе.

3. С середины XVI века философско-эстетическая и теоретико-литературная мысль испытывают кризис, связанный с утратой национальной независимости. В этот период теория литературы развивается преимущественно в рамках самой литературы, на которую сильное влияние оказывала суфийская философия. К этому времени относится создание самостоятельной науки – тюркского гаруза, представленного книгами А. Навон, З. Бабура, чьи труды оказали заметное влияние на татарское стихосложение.

4. Во второй половине XIX века возникла потребность в новых поисках в области исследования литературного творчества. Теоретико-литературная мысль в данный период развивается в тесной связи с риторикой, которая взяла на себя функцию по определению законов и описанию особенностей литературного творчества.

Эти тенденции явственно проявились в трудах татарских просветителей. III. Марджани ставит художественную ценность литературы в прямую зависимость от ее моральной нагрузки. К. Насыри доказывает возможность построения единой научной концепции исследования произведений различных направлений и приступает к созданию национального учения о жанрах литературы. В татарских грамматиках XIX века уделяется значительное внимание вопросам стилистики и теории прозы. Но теоретико-литературная мысль все еще остается нормативной и занимается предписанием законов литературы.

5. Открытие типографий, развитие новометодных учебных заведений, появление национальной периодической печати, связанные с процессом секуляризации, а также формирование новой литературы светского содержания обусловили становление теории литературы как науки. Литературная критика, разрабатывая критерии художественности для оценки литературных произведений, начала готовить почву для научных поисков.

Татарская теоретико-литературная мысль ставила своей целью доведение

национального искусства до уровня западноевропейской и русской литератур. Поэтому уже в первых теоретико-литературных статьях велись исследования по отдельным теоретическим вопросам на материале татарской литературы.

В 1911 г. появились первые учебники по теории литературы Г.Сагди, проблемные статьи Н.Хальфина, Наразый, Джагфера, Гаты Исхаки и других. С самого начала теория татарской литературы ставит своей целью анализ национальной литературы при помощи теоретических законов и правил, поиск путей развития и усовершенствования национальной литературы.

6. В начале XX века в татарском литературоведении формируется новая школа, избравшая в качестве методологической основы положения культурно-исторической школы, но при этом трансформировавшая их в соответствии со спецификой национальной литературы. Эту школу мы называем школой общественников. Наиболее колоритными ее представителями были Гаяз Исхаки, Ф. Амирхан, Ф.Карими, Г. Сагди, Гата Исхаки и др. Представители этой школы видели сущность литературы в отражении действительности, а основным объектом изображения назывался человек как участник событий. Однако в понимании "общественников" литература не пассивно "запечатлевает" жизнь, но активно ее осмысливает. Антииндивидуалистическая направленность концепции "общественников" привела к пониманию литературы как документа, фиксирующего определенное состояние нации. Поэтому в качестве критерия художественности литературы называется "национализм", проявляющийся в показе современной национальной жизни, а также в создании модели будущего нации. Основная функция литературы – нравственное воспитание человека – тоже связывалась с национальной идеей.

Положительное в школе общественников – разрыв со всякого рода нормативностью и дидактикой. Но постепенно обнаруживался ее основной недостаток: пренебрежение к эстетической природе литературы.

7. Результатом резкой критики концепции общественников, изменений в области самой татарской литературы явилось возникновение так называемой духовно-теоретической школы. Ее основы были заложены Н.Хальфиным, Г.Ибрагимовым, Дж.Валиди, Г.Батталом, Г.Губайдуллиним и другими.

Сущность литературы духовники видели в раскрытии внутреннего мира, духа личности. Человек как автор, творец назывался объектом литературы. "Национализм" объяснялся как создание национальных характеров, определение особенностей национальной психологии. Функция литературы понималась как воздействие на душу человека, обогащение чувств и воображения. Своей концепцией и отношением к жизни и литературе

духовники стояли между психологическим направлением в русском литературоведении и немецкой духовно-исторической школой.

8. В конце XIX - начале XX веков в мировой литературе возникают многочисленные модернистские философско-эстетические и теоретические концепции. Некоторые теоретики татарской литературы интересовались новыми веяниями, в частности, философией экзистенциализма, символизмом, импрессионизмом. Но при этом отдельные мыслители (Н.Думави, Самат и другие) предупреждали об опасности стать сателлитом той или иной европейской литературы в случае слепого подражания модернистским течениям.

9. После 1917 г. произошел отказ от принципов школы духовников. Многие ведущие теоретики-литературоведы (Г.Ибрагимов, Г.Нигмати и другие) заинтересовались достижениями культурно-исторической школы, что привело к созданию учения, близкого к формально-социологической (П.Сакулин) школе. Даже принципы вульгарно-социологического направления использовались специфически: авторы соединяли их с некоторыми законами психологической школы. В области стихосложения наблюдался поиск новых формальных элементов литературы. Признавая первичность содержания, татарские литературоведы вели речь и о содержательности формы.

К началу 30-х годов XX века в теории татарской литературы окончательно утвердилась марксистско-ленинская эстетика. Ленинская теория отражения, учение о категориях содержания (классовость, партийность, народность), концепция освободительного движения стали основой не отдельной школы, а целой науки о литературе.

10. В годы советской власти произошла унификация теоретико-литературной мысли народов, населявших бывший СССР. Это явление коснулось и теории татарской литературы. Проблема возрождения национальной теории литературы - дело будущего, и оно требует комплексного изучения и глубокого осмысления истории татарской теоретико-литературной мысли.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора:**

1. Әдәбият кануннары һәм заман / Татар әдәбият нәзариясенәң барлыкка килүе һәм үсеш баскычлары/ (Литературные законы и время / Возникновение и этапы развития теории татарской литературы). — Казань: Татар.кн.изд-во, 2000. — 271 с. (15,5 пл.).

Рец.: 1.1. Закиржанов Ә. Әдәбият кануннары һәм заман // Шәһри Казан. — 2001. — 2 март.

1.2. Курбатов Х., Нуриев Р. Нәзари мирас — бүгенге күзлектән // Мәғрифәт. — 2001. — 23 март.

2. Урта мәктәптә татар әдәбиятын укыту методикасы (Методика преподавания татарской литературы в средней школе). — Казань: Мағариф, 2000. — 335 с. (21,3 пл.)

3. Әдәбият программалары камилме? (Совершенны ли программы по литературе?) // Совет мәктәбе.— 1990.— № 8.— С.27-30 (0,3 пл.).

4. Кыяр миңкәсе /Татар мәктәбе/ (Татарская школа) // Идел. — 1991. — № 8-9. — С. 50-51 (0,3 пл.).

5. Татар мәктәпләрен бетерү тарихы (История свертывания татарской школы) // Идел. — 1992. — № 3-4. — С. 46-49 (0,8 пл.).

6. Из истории преподавания татарской литературы в дооктябрьской школе // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. — Казань, 1992. — С.105-118 (0,8 пл.).

7. Татар мәктәбенәң кыйбласы (Ориентир татарской школы) // Казан утлары.— 1993.— № 6.— С.169-174 (0,5 пл.).

8. Особенности преподавания татарской литературы в конце XIX — начале XX вв.//Из истории развития народного образования и просветительства в Среднем Поволжье. — Йошкар-Ола,1993. — С.48-52 (0,3 пл.).

9. Яхшы шытымнар бирер (Даст хорошие всходы) // Татарстан. — 1995. — № 7-8. — С.10-15 (0,5 пл.).

10.Г.Ибраһимов: әдәбиятны ничек укытырга? (Г.Ибрагимов: как преподавать литературу? // Татарстан. — 1996. — № 7. — С.54-59 (0,5 пл.).

11. Жиде максат (Семь целей) // Мәғариф. —1996. — № 8. — С.14-16 (0,4 пл.).

12. Сигез принцип (Восемь принципов) // Мәғариф. — 1996. — № 9. — С.14-16 (0,4 пл.).

13.Әдәбият укытуда “Яңа агым” (1910-1917) (“Новое течение” в преподавании литературы) // Гуманитарные науки: проблемы и аспекты

изучения (Материалы итоговой конференции Татарского гос. гуманитарного института за 1996 год). — Казань: Изд-во ТГТИ, 1997. — С.132-140 (0,5 п.л.).

14. Лирик әсәр һәм аны мәктәптә укыту (Преподавание лирического произведения в школе) // Татарский государственный гуманитарный институт: Ученые записки. — №1. — Казань, 1997. — С.49-80 (2,0 п.л.).

15. Габдулла Тукайның методик-педагогик карашлары (Методико-педагогические воззрения Г.Тукая) // Материалы международной конференции, посвященной 110-летию поэта. — Казань, 1997. — С.285-289 (0,4 п.л.).

16. Татар әдәбият нәзәриясенң барлыкка килүе (Возникновение теории татарской литературы) // Татарский государственный гуманитарный институт: Ученые записки. — Вып.4. — Казань, 1998. — С.132-150 (1,6 п.л.).

17. Г.Батталның “Нәзәриятә әдәбия” китабы һәм әдәби-методик барыш (Книга Г.Баттала “Нәзәриятә әдәбия” и литературно-методический процесс) // Аспекты гуманитарных исследований. (Материалы итоговой конференции Татарского государственного гуманитарного института за 1997 год). — Казань: Изд-во ТГТИ, 1998. — С.241-250 (0,6 п.л.).

18. Әдәбият теориясеннән беренче дәрәсләкләр тиресендәге бәхәс (Споры вокруг новых учебников по теории литературы) // Татарский государственный гуманитарный институт: Ученые записки. — Вып.5. — Казань, 1998. — С.84-111 (1,8 п.л.).

19. Туган телне яратсаң...(Если любишь родной язык...) // Фән һәм мәктәп. — 1998. — № 4. — С.92-96; № 5-6. — С.131-142 (1,2 п.л.).

20. Әдәбияттан сөйләм үстөрү дәрәсләре (Развитие речи на уроках литературы) // Мәгариф. — 1998. — № 3. — С.23-25 (0,3 п.л.).

21. 1914-1915 елларда әдәбият нәзәриясендәге фикер төрлелеге (Разность мнений в теории татарской литературы в 1914-1915 гг.) // Общественное развитие и гуманитарные науки. (Материалы итоговой конференции Татарского государственного гуманитарного института за 1998 год). — Казань: Изд-во ТГТИ, 1999. — С.100-104 (0,2 п.л.).

22. Әдәбият теориясеннән беренче дәрәсләкләрдә Тукай ижаты (Творчество Тукая в первых учебниках по теории литературы) // Тукаевские чтения. — Казань, 2000. — С.117-125 (0,7 п.л.).

23. XX йөз башында әдәби-методик хәл һәм Г.Исхакий (Литературно-методическое положение в начале XX века и Г.Исхаки) // Гаяз Исхакий һәм татар дөньясы: адипнең 120 еллыгына багышланган фәнни-гамәли конференция материаллары. — Казань, 2000. — С.274-281 (0,4 п.л.).

24. М.Хәнафи. Әдәби мирас (М.Ханафи. Литературное наследие) // Идәл. — 2000. — № 11. — С.26-29 (0,4 п.л.).

25.Дәүләтчелекне торгызу өметенәң уку йортларына милли әдәбият предметын кертүгә тәэсире (Надежда на восстановление государственности и реформа образования) // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: Материалы научной конференции, г.Казань, 25 апреля 2000 г. – Казань: Матбугат йорты, 2000. – С.191-196 (0,3 п.л.).

26.Татар әдәбияты теориясенәң модернистик агымнарга мөнәсәбәте/ 1914-1916 еллар (Отношение теории татарской литературы к модернистским течениям) // Татар теле, әдәбияты, тарихы – үткәне һәм бүгенгесе. – Казань, 2000. – С.73-80 (0,3 п.л.).

Лицензия № 0209 от 6.10.97

Отдано в набор 21.05.2001. Подписано в печать 22.05.2001.

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 4,5. Тираж 100 экз. Заказ К-37.

Министерство образования РТ.

Редакционно-издательский центр "Школа".

420111, Казань, ул. Дзержинского, 3.

Отпечатано на множительном участке центра.

